

ЕВГЕНИЙ МИШАГИН

КЕРЖАК

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Евгений Мишагин

Кержак

«ИТРК»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Мишагин Е. И.

Кержак / Е. И. Мишагин — «ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-474-1

Роман Евгения Мишагина органично сочетает увлекательный драматический сюжет с исторической достоверностью событий, происходящих в период церковного раскола на Руси. Многие факты, описанные в романе, ранее публиковались лишь в научных исторических трудах. Но благодаря книге «Кержак» широкий круг читателей сможет ознакомиться с данными фактами и событиями в комфортной для восприятия форме художественного произведения.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-88010-474-1

© Мишагин Е. И., 2017
© ИТРК, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Иванович Мишагин

Кержак

© Мишагин Е.И., 2017

© Издательство ИТРК, издание, оформление, 2017

* * *

*«Когда народ обратится к своей истории,
его величие оживет»*

Петрарка

Предисловие

Эта книга на исторический сюжет будет интересна разным читателям: один оценит настоящую любовь главного героя, его духовные искания, другой найдет острый сюжет, политические интриги, военные конфликты, откроет забытое или старательно скрытое в российской истории, познакомится с легендами «о тайном русском царе Михаиле» и «государстве счастья Беловодье».

Исследуя прошлое, не вскрывая глубинных причин, нам трудно правильно оценить и современность. В 17 веке церковная реформа патриарха Никона, проводимая при поддержке царя Алексея, привела к большому конфликту в народе, именуемому в исторической литературе «расколом». Когда треть русского народа не приняла церковных новшеств, образовавшееся старообрядчество лишилось возможности служить царю и потеряло право владеть землями, их вытеснили из феодальных отношений, они были вынуждены формировать новые общественные отношения и тем самым явились предвестниками зарождения русского, свободного капитализма. Капитализма не как связи личной собственности и капитала, а как союза между личным капиталом и общественным интересом. Старообрядцы формировали новые принципы трудовых отношений за оплату труда, а не повинностей на барщине.

Основная трагедия «раскола» была не столько в изменении устоявшихся почти за семьсот лет православных обрядов на Руси, сколько в тех методах, с помощью которых насаждала власть обрядовую новизну через душевную боль, слезы и кровь, подрывая сам дух веры в народе. «Раскол» 17 века ослабил единство русского народа, посеял сомнения в сакральном царской власти, что далеким эхом и отразилось в разломе российского общества уже 17-го года XX века, когда православную твердыню – Соловецкий монастырь – превратили в Соловецкий лагерь особого назначения.

Много воды с тех пор утекло в реке Керженец, много разбилось волн Белого моря о Соловецкие камни, попыталась за триста пятьдесят лет помириться и церковь. В XX веке состоялось историческое событие – постановление Поместного собора Русской Православной Церкви 1971 года, который, идя навстречу «древлеправославию», утвердил прежнее решение Синода от 1929 года «о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им». В самом же старообрядчестве утвердилось мнение о том, что одного «снятия клятв» недостаточно...

Глава 1 У Макария

В лесном Заволжье отцветали луга, нетронутые травы сбрасывали семена, готовясь к своему новому году. Берега петляющей из болот реки Керженец осыпало ягодами и грибами, птенцы начинали покидать свои гнезда. На последний день июля выпадали Евдокимовы именины, но из-за отсутствия хозяина дома и подготовки к Успенскому посту, празднование откладывалось. Отец в эти дни всегда был на торжищах возле Макариевского Желтоводского монастыря, раскинувшегося на берегу Волги. Возвращался он после Успения, привозил с ярмарки подарки, сладости, и вот тогда всей семьей отмечали именины. Так с детства эта пора года и стала у Евдокима самой желанной.

Ныне шло 7176-е лето от Адама или 1668-е от Рождества Христова, (далее летоисчисление пойдет от Рождества Христова), правил в Московской Руси Алексей Михайлович, второй представитель династии царей рода Романовых, прозванный в народе «Тишайшим», на период правления которого выпал своей второй половиной «бунташный век» с его «русским расколом».

Алексей Михайлович стал царем совсем в юном возрасте и в управлении государством опирался на друга отца, своего воспитателя боярина Бориса Ивановича Морозова. После кончины дядьки-боярина царь Алексей старался казаться самостоятельным в принятии решений, даже иногда проявлял дерзость по отношению к ближнему боярскому окружению, но в действительности это было показное: он испытывал потребность в новом советчике. Будучи человеком религиозным, царь тянулся к лицам духовного сана. Очарованный начитанностью и советами митрополита Никона, он приблизил его к себе, называл «особенным» другом и способствовал восхождению Никона на патриарший престол. Своенравность Никона проявилась быстро: одной близкой дружбы с царем ему было недостаточно. Он стремился к большему, хотел поделить на двоих власть, сам именовал себя великим государем. Задумали царь Алексей с патриархом Никоном провести церковную реформу, унифицировать русские обряды в соответствии с новогреческими обрядами.

В древние времена первые христианские общины обрядности не придавали строгого значения, считалось верным двумя перстами молиться и тремя, – главное вера в душе и в праведных поступках. На Востоке одних традиций придерживались, по ним и устав церкви создали, а на Западе другая была традиция, там свой устав сформировался. На Руси от времен Владимира Крестителя, принявшего веру Христову от Константинополя, ничего серьезно не меняли, жили по Константинопольскому, или, как его еще называют, Студийскому уставу, – так и сформировалась русская традиция обряда. А в Византии позже стали придерживаться Восточного, Иерусалимского устава, составленного святым Саввой Освященным.

Из-за разницы уставов серьезных противоречий не было. Недоверие возникло между константинопольской православной и русской православной церквями после того, как власти Константинополя подписали с католической церковью Флорентийскую унию, по которой признавали над собой главенствующую роль Папы Римского. Надеясь этим получить от Папы военную помощь, участие крестоносцев в защите Константинополя от надвигающихся на них турок-османов. Но это византийцам не помогло, помощи от Папы они не получили, пал Константинополь, и погибла Византия в целом. Русь унию с латинянами не приняла, избрали своего патриарха, и Москва стала одним из центров христианского мира, а русский народ хранителем православной веры. На церковно-земском Стоглавом соборе, созванном царем Иваном IV (Грозным) в 1551 году, обсуждали новогреческие и русские обряды и предпочтения отдали

старым русским обрядам, в которых прослеживаются древневизантийские черты, веками освященные христианскими праведниками.

Величайший сподвижник русской земли Сергей Радонежский кротким словом своим мирил враждующих князей с Дмитрием Донским. Князья приехали к нему накануне битвы, молились двуперстным крестом. За благочестивую веру и смирение перед Богом удостоивается Дмитрий Донской всевышнего покровительства в победе над ордынцами. А Иван III стоял с войском на реке Угре, при появлении «поганных» воинство его осеняло себя двуперстным крестом, и свершилось без боя, по одной воле Божьей, освобождение Руси от монгольского ига.

Образовалась веками проверенная русская традиция Бога славить. Боятся люди Никоновы новшества принять: останется ли для спасения Божья благодать, не пропадет ли сама Русь, как пропала Византия. Царь Алексей Михайлович надеялся, что восточные патриархи будут его почитать за самодержца всеправославной империи, но осуществить сей замысел оказалось не по силам, а суматоху в русскую жизнь они внесли, и сколько людей безвинно пострадало.

Евдокиму через неделю должен минут двадцать один год, в характере молодого парня гордыни не чувствовалось, дерзость проявлялась не в общении с людьми, а в лесу на охоте или при добыче дикого меда. Каждое лето после сенокоса Евдоким отбирал самое душистое сено, забивал им в дворовой постройке сеновал и перебирался туда спать. Он лежал на расстеленной овчинке, все вокруг заполнялось ароматом высушенной свежей травы, собранной с лесной луговины. Тихо слышалось щебетание птиц и временами фырканье коня, стоящего под сеновалом в стойле. Взор Евдокима был устремлен через проделанное в соломенной крыше отверстие в звездную россыпь ночного неба, лунный свет освещал его по-юношески милое, задумчивое лицо. Поразмышлять он любил о мироздании и о своей земной жизни до тех пор, пока сознание полностью не поглощалось сном.

Но сегодня Евдокиму не спалось: перед предстоящей длинной дорогой ощущалось некое душевное волнение. Евдоким подсознательно понимал: волнуется он не из-за длинного пути, который предстоит ему проделать сначала по лесной реке, а потом и по могучей Волге. Нет, волновала его теплящаяся надежда, – а вдруг на ярмарке он встретит Анисью, и она согласится уйти с ним в лес. Тут уже ясность в сознании появлялась: это слишком фантастично, чтобы встретить на ярмарке девушку, – они там вообще редко появляются, а которые бывают, и то только в сопровождении отца или старшего брата. А он мечтает, чтобы она убежала с ним в лес... Евдоким себя успокаивал: мечтать – это одно, а действовать необходимо реально. Непременно еще раз нужно идти к отцу Анисьи и убеждать его выдать дочь за него замуж.

При воспоминаниях о девушке сердце начинало биться сильнее:

«Вот она любовь! Да, не думал и не гадал, что вот так может быть любя мне девица. Помню, воздух в горле так и встал комом, дыхание сбилось. Рассказывали мужики, если любовь придет, тяжело бывает, страдать приходится. Не верил я. Как это страдать? Какую тятенька засватает, на той и женишься. Что тут страдать? А оказывается, вон оно как бывает».

Мысли невольно так и стали будоражить воспоминания годичной давности: случилось это прошлым летом на другой день после любимых Евдокимовых именин в Медовый Спас. Послал отец отвезти бочонок с медом в Лысково, одному тамошнему уважаемому отцом человеку. Пересек Евдоким поперек Волгу, доплыл до нужного места, вытащил лодку, чтобы не унесло, взял на руки бочонок и пошел подниматься в гору. Смотрел под ноги, услышал девичий смех, остановился и огляделся. Ему навстречу по этой же тропочке спускаются несколько девушек, идут гуськом. Над кем они смеялись, он не понял: не над ним же? А девушки не унимаются, хихикают, вот уж совсем к нему близко, и он успел рассмотреть одну из них, что первой шла: ее стан, руки, длинная коса через плечо на грудь спускалась, на красивом лице выделялись манящие губки. Их взгляды встретились, и Евдокима словно обожгло. Застеснялись девицы: хоть и не боярские дочери, что по теремам сидят, простолюдинки, а все же не

принято было девицам незнакомому парню раньше времени в лицо смотреть. Опустила глаза первая девушка, встала на тропе и ждет, когда пройдет парень. А Евдоким сам стоит как вкопанный и только бочонок к животу крепче прижимает, а спину выпрямил: высок, широк в плечах, его русые волосы на ветру раздувает, из-под длинной челки прямой нос, поджатые губы и застывший взгляд. Постояли молча, почувствовалось недовольство девушек, – чужой парень и пялится на их красоту. Из-за спины первой красавицы вновь послышались хихиканья, тут Евдокимка понял, что не должен он так долго смотреть на девушку: или самому идти, или ей дорогу уступить. Он заволновался, не смотря под ноги, сделал шаг в сторону и споткнулся об выступавший корень дерева, повалился, рукой хотел об землю упереться, а бочонок возьми да вырвись и, подпрыгивая, покатился с горы. Девушки все ахнули, а Евдокимка сиднем сидит, – горе ему, и обида берет. Поднял он свои глаза на девушку, и она, не пряча свой взгляд, смотрела на него. Встал он и побежал за бочонком вдогонку, вот тут смех поднялся девичий на всю округу такой, что рыбаки на реке стали головы поворачивать, только одна молча улыбалась. Ударился бочонок об дерево, не выдержали его обручи, сбились, развалились дощечки, стеночки, растекся свежий мед по травке. Евдокимка впопыхах возьми да руками начни сгребать мед. А куда его собирать? Бочонок быстро не собрать, так и стоит с руками, полными меда в ладонях. Проходили мимо девушки, и смех их не утихал. Евдоким двинулся к той, которая ему глянулась. Она встала, вновь опустила глаза, а он, протягивая ладони с медом, сказал:

– Попробуй медку!

Девушка растерялась, потом подняла свои глаза. Они смотрели друг на друга, а мед продолжал капать с ладоней. Другие девушки остановились и тоже перестали смеяться, ждали подругу и смотрели на них.

– Как тебя зовут? – Спросил Евдоким.

– Анисья, – тихо ответила девушка.

– А чья ты будешь? – Сам не ожидал от себя такой прыти Евдоким. – Как зовут твоего отца? – Уточнил он.

Щеки девушки краснели, она молчала, а потом подняла голову и смотрела на парня.

Подружки захихикали.

Евдоким понял, что надо как-то отвлечь девушек от смеха, который его смущал и, протягивая ладони с капающим медом, он сказал:

– Попробуйте нашего заволжского меда, сегодня Медовый Спас! Этот чистый: я его со дна бочонка взял.

Подружки все по очереди окунули свои пальчики в ладони с медом, облизнувшись, похвалили мед, поблагодарили и пошли. Евдоким протянул ладони ближе к Анисье, она тоже окунула свой пальчик, попробовала, ее щеки сильнее порозовели, она заулыбалась, и в этот момент им показалось, что они поняли друг друга на всю жизнь.

– Никифора Трифонова дочерью буду я, – ответила Анисья, сделала уважительный поклон и пошла за подружками.

«Так бы и стоял с поднятыми ладонями с медом всю жизнь возле нее, вот сила медовая чудеса творит», – подумал Евдокимка и вслед девушке громко сказал:

– А меня зовут Евдоким, я сын заволжского медового купца Тихона.

Анисья улыбнулась и еще раз поклонилась ему, Евдоким тоже сделал поклон.

Подружки запели песню.

А Евдоким стоял и смотрел им вслед. Он не знал, что делать с медом: собрать его нельзя. Вроде бы расстроиться нужно, но радость и ощущение счастья переполняли его, хотя он понимал, что сильно подвел отца, не доставил бочонок в Медовый Спас. Евдоким строго знал, когда и на ком ему жениться, это решение отцовское, и без родительского благословения он не посмеет. Но для себя уже решил: Анисью он не забудет никогда.

Тем же летом Евдоким встретил в Макарии знакомого Терентия, он был с Лыскова. Терентий у отца в лавке каждый год покупал мед да и вообще был свой, тоже придерживался старого благочестия в православной вере, поэтому с таким человеком и по доверию можно было поговорить, никому не выдаст. Евдоким спросил:

– Терентий, знаешь ли ты Никифора Трифонова, дочь у него Анисья есть?

– Как не знать Никифора, нашего села будет. Никак его девица в душу запала? А где ты ее видел?

– Да пришлось, встретил.

– Хорошая девка Анисья, с моей дочерью Анфиской дружна, они хороводы вместе водят и на посиделки к нам приходит.

Усмехнулся Евдоким, застенялся и отвернулся.

– Вижу, запала, дело молодое. Только торопись, я слухом слышал, – моя Анфиска матери трепалась, – на Аниську Фролка, сын ярыжки¹ со слободы стрелецкой засматривается. Посватать готов, да денег на свадьбу он не накопил. А Никифор мужик себе на уме, с хитрецей малость, лба в церкви не разобьет. Он больше к лишней копейке тяготеет, не торопится за Фролку дочку выдавать, выгадывает, может, какой поладней жених подвернется. А вы люди трудолюбивые, у твоего отца копейка водится, так что дерзай, молодец.

Обнадежил Терентий Евдокима и одновременно напугал, что претендент на руку Анисьи уже есть, медлить было нельзя. Пришел он в лавку и думал, как к отцу подступиться с разговором о сватовстве, но отец был чем-то расстроен, поэтому Евдоким так и не решился в этот день сказать. Думал, что отец ответит: «Чего лезти своей еще несмышленной головой, мне решать», – так обычно говаривал отец, когда он что-то не по его мысли предлагал сделать. К концу лета Евдоким все-таки собрался и рассказал отцу о девушке Анисии из Лыскова. Отец, к удивлению Евдокима, отнесся с пониманием: не ругал, но предложил подобрать другую невесту из своих, родителей которой он знал лично. Называл даже имена: у купца Поликарпа младшая дочка Алевтина на выросте, подожди год-другой, красавицей будет. А не терпится, так вон у бортника Фоки дочь Варвара на выданье. Евдоким дулся на слова подобрать ему другую невесту, отец видел обиду сына и тоже дулся, но не ругался.

Давняя мечта была у купца Тихона: поставить свой дом в поселении возле Макариевского монастыря, чтобы не по чужим людям снимать угол на время торжища, а у себя дома жить. Если поднять высокий дом, низ под лавку приспособить, то можно не только во время ярмарки торговать, а круглый год, и если в паводок нижний этаж затопит, товар наверх поднял и жди, когда вода уйдет. Тихон тешил себя такой надеждой, даже землю присмотрел и предварительно обсудил с кем нужно о стоимости. Ждал, вот сын подрастет, женить его и отделить. Казалось, вот и пришло такое время, да не все так в жизни бывает, как себе наметишь. Времена наступили тревожные, раньше была благодать, вся Русь одной православной веры, а после Никоновых новшеств в церковном обряде раскололся русский народ. Поначалу большая часть народа продолжала почитать старое благочестие в православии, а за последние годы усилилось давление властей, от всех требовали принимать новые книги, троеперстием себя осенять, а кто упорствовать будет, тех грозились батогами бить, в цепи заковывать и в далекие земли ссылать. Пришлось многим уступить и новшества Никоновы принять. Поэтому Тихон не знал, новизны или старины в православной вере отец Анисьи будет придерживаться. Кто уже определился, а кто еще в раздумьях находился, у какого попа молодым придется венчаться?

Не подавалась душа Тихона новые церковные реформы принять, знал он от людей честных, а на ярмарке много и грамотных людей собиралось, да и в Макарьево шептались, что эти новшества Никон от пришлых с киевщины монахов перенял. Главное, чего не могли понять Тихон с Евдокимом, да многие другие в их окружении люди, зачем менять православную тра-

¹ Низший полицейский чин.

дицию своих отцов и дедов по учению каких-то пришлых чужеземных монахов, которые сами давно живут под ляхами, а те латины. После этого останется ли в новом обряде святость отеческая, если по старым православным обрядам жили и двуперстием себя осеняли все святые и праведники земли русской, сам преподобный Макарий, основатель монастыря, возле стен которого они кормятся. Хоть и нет уж тех бревенчатых стен монастырских, их монголы сожгли, ныне каменные стоят, но все одно именем Макария называются.

Также понимал Тихон, если не будет он ходить в церковь, где службу по-новому служат, то и жизни возле монастыря не получится, а значит, и дом тут ставить не нужно, придется оставаться жить в лесу, и сыну об этом сказал. Думал Евдоким над отцовыми словами осень, а по первому снегу запросился отпустить его съездить в Лысково, в воскресенье в церковь, там Анисью можно будет увидеть. Покачал отец головой, да видит, парня забрало всерьез. Он мать попытался на его напустить, чтобы она не пускала, но все это не повлияло на решение Евдокима. Отправился парень искать невесту, лошадь оставил в поселении у монастыря, у тех людей, у которых они всегда с отцом останавливаются, взял в своей лавке лодку. Удивлялись люди на берегу, что заставляет парня рисковать, а не подождать неделку-другую пока Волга совсем замерзнет, или хотя бы лед станет крепче, чтобы встать и волоком лодку, как санки, тащить до полыньи. А сейчас ледок у берега тонкий, по нему идти нельзя, провалишься, а середина реки плещется. Поставил Евдоким лодку на тонкий ледок, забрался в нее, провалилась лодка, прорезая лед так, что он сам в ней еле удержался. Поднялся во весь рост и давай багром рубить лед, отталкивался от него, так и выбрался на середину реки, а тут на весла, через низкие борта лодки холодные волны стремились зачерпнуться, а потом снова взялся за багор лед рушить, так и добрался до противоположного берега.

Дальше через овражки да бугорки поднялся, поскользнулся на том самом месте, где Анисью первый раз встретил, упал и по замерзшей земле съехал вниз до того дерева, где боченок раскололся. Подивился, что так повторяются в жизни моменты: на одном месте второй раз падает. Встал, отряхнул полушубок и снова зашагал в гору. Пришел в село, нашел дом Терентия, познакомился с его дочерью Анфисой, пошел с ними в церковь, где можно было Анисью увидеть. В церкви Евдоким встал поближе к женской стороне, выглядывал Анисью, и она заприметила парня, который летом у речки медом ее угощал. Он не сводил с девушки глаз, окружающие это стали замечать, Терентий одернул парня, чтоб к иконостасу лицом стоял, а не вертел головой. После службы вышли из церкви первыми, стали ждать, когда Никифор со своим семейством пойдет, поклонился Евдоким низко, и Терентий головой. Подивился Никифор оказанному уважению, тоже поклонился, а глазами зыркнул на незнакомого парня.

Дома договорились, вот наступят святочные времена, Анфиса пригласит к себе девушек на посиделки, а Анисью пораньше других, вроде посплетничать. А тут к Терентию возьмишь из-за Волги «нежданный» гость объявись. Как задумывалось, так все и вышло, состоялась беседа Евдокима с Анисьей. За зиму он еще несколько раз через замерзшую Волгу ходил то на посиделки, то на колядки, один разок ему удалось Анисью за руки взять и разрешение спросить сватов присылать. Ходили сватать Тихон с Евдокимом, Терентий, да еще людей пригласили, знающих дело сватовства, все прошло чин по чину. Соглашался Никифор за купеческого сына дочь отдать, тем более прознал, что и самой невесте жених по сердцу пришелся, невелика важность, но все же отцу милее, когда дочь своему замужнему счастьем рада.

Слух о сватовстве к Анисии быстро по селу распространился, прослышал об этом и Фрол, они с отцом хоть в стрелецкой слободе возле крепости жили, а в село ходили постоянно: то в лавку, то еще по какой нужде. Фрол в расстройстве высказал обиду свою отцу, что не может он взять в жены Анисию, а вынужден будет жениться на какой-нибудь старой деве без приданого. Онисим разозлился на сына, отстегал плеткой Фрола за дерзость, а самого озлобило, что не скопил денег на стрелецкой службе. Решил он не дать Никифору дочь за заволжского парня замуж выдать. Пошел Онисим с поклоном к приказчику Феропонту, а его народ не любил, дру-

жить ему было не с кем да и незачем, если он над всеми поставлен. Поэтому он со стрелецким ярыжкой Онисимом дружбу и водил. Приказчик Феропонт отвечал за сбор податей, значит, у него в руках власть денег: кто вовремя не уплатит, так с того он может и шкуру содрать. Онисим при остроге на Оленьей горе служил стрелецким ярыжкой, крепость хоть и старая была, но пустовала редко, кого-нибудь обязательно посадят, а в основном острог служил пересыльной тюрьмой. Дорога с Нижнего Новгорода на Казань вела прямо через крепость. Забьют острог ссыльными на ночлег, утром дальше погонят или на берег на судно и в низовья Волги отправят. Все бы вроде у Онисима было ничего, какая-никакая, а все же власть есть, ярыжка стрелецким начальникам служит, за всеми слушает, ухо остро держит, может про кого и лишнее сказать, да и про приказчика Феропонта тоже, коли захочет. Только вот беда, в отличие от приказчика, денег у ярыжки не было совсем, то казна мизерное жалование забудет прислать, а пришлет, так у стрелецких начальников в руках застрянет: «Сам своим огородом кормись», – говорили они Онисиму. «А много ли огородом прокормишься, все же служивый я, так казна и должна содержать», – размышлял в ответ ярыжка Онисим.

Сговорился Онисим с Феропонтом, и пошли они к Никифору пугать его.

– Девку замуж за чужака отдаешь, местных молодцов тебе не хватает, вон Фролка парень хоть куда, – говорил Феропонт.

Никифор холопом был, но имуществом крепкий мужик: имел свой промысел, все подати до копейки платил, и выкупную за дочь сам мог заплатить. А в сватовство обсудили, сговорились, что купец Тихон выплатит все, что понадобится за Анисью. Никифор в ответ им молвит:

– Слово христианское я дал, за Тихона сына дочь отдать.

Видят Онисим с Феропонтом, что не их берет, упирается мужик, про христианское слово говорит, и знают, что у него самого деньги есть, да и новая купеческая родня даст денег на выкуп.

Тогда они в приказном порядке стали ему говорить: купец Тихон старой веры придерживается, а Феропонт был в Москве, и дьяк с Приказа велел строго-настрога всем поселенцам наказать Никонову новизну в церковных обрядах принимать. А тех, кто в старой вере останется, кнутом бить и рублем штрафовать.

– У какого попа дочь венчать будешь? – Спросил Феропонт. – Который за старую веру стоит, значит, и сам той веры держисься, тогда большую подать заплатишь и кнута вдоль ребер ухватишь!

Не хотел Никифор с Онисимом родниться, в зятя его сына Фрола принимать, да видит, делать нечего: приказчик Феропонт злобится, не отступится, разорит.

Анисья ждет лета, готовится к свадьбе, радостная бегаёт к подружкам. Мамка с бабкой готовят ей приданое, перину собирают, подушки. А Никифор тем временем всем в доме объявил:

– Свадьбы с Евдокимом не будет, Анисья выходит замуж за Фрола и все на этом!

Для Анисьи это прозвучало, как гром с неба, она бросилась в ноги к отцу умолять не губить ее, не отдавать за Фрола, а отдать за Евдокима. Но нет, отец был непреклонен. Через Терентия Никифор свое новое решение отказать в женитьбе Евдокиму передал Тихону.

По утрам Евдоким радовался, что его петух с ленцой и не первым начинал петть утренний подъем, не отличался петух и особой горластостью. Первыми начинали горланить соседские петухи. Доносилось глухо, можно было поворочаться в свежем сене и потом услышать своего. Но если Евдоким долго нежился, то петух запрыгивал на жердь для сушки веников, лечебных трав и чуть ли не на ухо голосил. Приходилось приготовленной с вечера палкой швырять в него, если можно было поспать подольше. Но сегодня ему нужно было вставать раньше первого петуха.

Евдоким вышел на улицу, начинало чуть светать. К нему подбежал пес, потягиваясь, он торопился поднять лапы до колен хозяина, скулил, словно просился взять его с собой. Пес не

знал, что молодой хозяин собирается не на охоту или рыбалку, а поплыть далеко, к главному хозяину дома – Тихону. Евдоким умылся, оделся, все у него было собрано с вечера, оставалось запрячь коня и погрузиться на телегу. Дома от самого порога слышалось, как младшие сестренка и братишка тихо посапывали на подвешенных к потолку полатях, а старшенькая сестренка Василиса поднялась и собирала на стол поесть в дорогу старшему брату. На столе в глиняной плошке стояла теплая каша, с позднего вечера мать истопила печь, чтобы к утру каша дошла до готовности. Мать встала раньше всех и доила корову, она не могла перед дальней дорогой накормить сына несвежим приготовленным кушаньем и не парным молоком.

Евдоким вышел из дома, взял коня под узды и повел, ступая босыми ногами по мокрой траве. Переплетавшиеся между собой паутинки, повисшие на низких кустах, покрытые капельками росы, начинали блестеть. В стороне над лесом, краснея, освобождалось от темноты небо. День обещал быть солнечным и жарким, рядом шла мать, она провожала до берега, чтобы обратно отвести коня. Впереди, виляя хвостом, бежал пес. На берегу Евдоким спустил лодку на воду, перегрузил бочонки с медом, свои пожитки, кусок на дорогу, гостинец отцу от матери. Сделав работу, он оглянулся по сторонам, – совсем рассвело, только ночной туман продолжал еще низко стелиться над водой и растворялся в сплошной, казалось, совсем безжизненной стене из высоких сосен и елей. Только сознание подсказывало, сколько жизни кипит в этом лесу, стоящем целую вечность. Словно услышав его мысли, природа подала шум, по воде волнами начали расписываться круги, кто-то неуклюже барахтался и плескался.

– Неужели бобер? Вот расшумелся, – сказал Евдоким и начал всматриваться в темноту противоположного берега, – некогда им заниматься, а то бы знатная шапка могла получиться.

Евдоким попрощался с матерью, поклонился ей, она перекрестила сына, и он отправился в путь. Лодка бесшумно разрезала темную гладь Керженца, с утра Евдоким держался посередине реки, здесь куда удобнее плыть и продувало легким, сквозящим вдоль русла ветерком. К обеду солнце уже начинало припекать, от пота взмокла и рубаха, а сними ее, так заест рыжее комарье. Евдоким старался прижиматься ближе к берегу, тут в теничке молодые поросли кустами сползали с песчаного берега в воду, местами образуя запруды из плавунов. Эти нагромождения приходилось обходить. Ветки низко склоненных деревьев цеплялись за волосы, Евдоким толкнулся багром от обрывистого берега, лодка медленно развернулась носом и вышла из тени. Словно случилось чудо: собирающаяся по лесным болотам вода, в тени кажущаяся черной, на глазах светлея, наполнялась жизнью, искрилась. Мелкие рыбешки шныряли вдоль борта, показался и увесистый хребет охотника за мелюзгой, но что-то спугнуло его, длинный хвост вызывающе плеснул и пропал в глубине.

«Вот гуляет жирняга, – подумал Евдоким, – не торопился бы, так попалась ты мне сейчас, узнала тогда, как разгуливать на глазах у Евдокимки, – и он ногой бережно подвинул ближе к борту связанные два удилица, лежащих на дне лодки. – На обратном пути, вероятнее всего, получится с полдня порыбачить. Сейчас никак нельзя, тятенька строго наказывал ко дню Макария не опоздать».

Бочонки с медом размещались по всей лодке в равных ее частях на двух концах, Евдоким сидел посередине и на глубине греб веслами, а на мели стоя, толкался багром. От того места, где на берегу они хранили лодку, и до самого устья, где лесная река Керженец впадает в Волгу, русло Евдоким изучил, когда был еще отроком и начал ходить с отцом до Макария продавать мед. Тогда отец сам бортничал², а потом приладил у других покупать и продавать. Так из дворцовых государевых вольноопределяющихся крестьян стал записываться в купеческое сословие, ярмарка ему в этом поспособствовала. А которому приказному положено было за этим смотреть, так ему Тихон не забывал к празднику медку прислать, да с купца и власть податей в казну больше получит.

² Собирал лесной мед.

Округа была лесная и, казалось, есть ли еще во всем Заречье такие глухие места, где бортник возле пчелиного улья мог морда в морду с медведем столкнуться, не зря же народ прозвал этого зверя медведь (мед ведает). Знает зверина, где ему медком разжиться. А зимой на лошади на санях по руслу реки в Макарьев поедешь, так волки по твоему следу так и рыщут, или здоровенный кабанина поперек дороги встанет, а может лось на берег выйти и, гордо задрав голову, смотреть на проезжего, словно он лесной городской. Тут зверь непуганый, и без хорошей рогатины и топора не ходи.

25 июля (в день успения преподобного Макария) на левом волжском луговом берегу у восточных стен Макариевского монастыря каждый год открывалась ярмарка. После леса казалось, что словно попал в другой мир: народ везде суетится, торгует, грузит, веселье разное, колокола бьют в Макарии и на колокольне церкви на противоположном правом берегу, перезвон над Волгой так и расстилается. Начиналось все с мелкой торговли возле монастырских стен со времен возобновления обители трудами и молитвами инока Авраамия в 1620 году, а одним из первых товаров и был лесной мед. Монахи брали да жители поселения возле монастыря, да приплывшие с поселений противоположного берега. Старания игуменов повлияли на дальнейшее складывание ярмарки. С каждым годом росло количество торговцев с разностью товаров, а в 1641 году даже вышел царский указ, утверждающий ярмарку. Монастырь собирал за торговлю на своих землях плату, малую часть отдавали в государеву казну, а большую часть направляли на строительство монастыря. В 1651 построили каменную Успенскую церковь с обширной трапезной палатой и шатровой колокольней, в 1658 году – главный монастырский Свято-Троицкий собор, и к 1667 году уже возвели каменные стены и башни обители. Вот так среди лесов на волжском берегу возник каменный кремль с церковными куполами. Знающий человек говорил, что получились стены и храмы не хуже, чем в самой белокаменной Москве. Посещал Макариевский монастырь в 1666 году Антиохийский Патриарх Макарий, дивился красоте обители, называл ее «новым Иерусалимом».

На торжище собирается народ торговый со всего света, где бы еще вот так вместе разных людей увидеть. Лавка у Тихона была хоть и небольшая, но зато известная, все к нему за медом идут, знают, добрый мед. Местные монахи берут и в другие монастыри посылают, сказывали, что сам государь-батюшка медок купца Тихона ежегодно вкушал. На правом высоком берегу Волги, прямо напротив Макариевского монастыря, на Оленьей горе расположилась старая крепость, возле нее остатки стрелецкой слободы, небольшая деревушка, а дальше расположилось село Лысково, в недавнем прошлом оно принадлежало знаменитому боярину Борису Ивановичу Морозову, называли его названным царевым тяткой. Приказчик покойного боярина закупал на ярмарке всяческих кушаний и обозом отправлял своему господину в Москву, а жил боярин Морозов прямо у царя в Кремле. Вот он часть обоза и преподносил царю, так и попадал мед купца Тихона в цареву семью. Даже за теплыми и холодными морями едят из заволжского леса мед, и то сказать, сладкого поедят чужеземцы и душой к нашему народу ближе будут. Сколько бортников весь сезон собирают, Тихон не у каждого возьмет, отбирает. Если бы сам много лет не бортничал, так и толку в меду не знал. А тут нет, прежде чем в лавку на продажу мед выставить, сам каждый бочонок ковшом в другой бочонок мед переложит. И не от недоверия, а чтоб чего случаем не попало, да аромату медового не испортило.

Бывает в весенний разлив Волги, почитай все кладовые затопит, деревянные лавки смочет, в июне торговый люд смастерит себе новые лавки, так и купец Тихон после последнего паводка поставил лавку в центральном ряду, а вдоль берега стали железо да лес пиленный грузить. Несведущий человек спросит: «По какую нужду в такой-то дали нужно было знатную ярмарку ладить?» – А вот именно тут она и пригодилась. Раньше торговцы с товаром из Персии, из Индии, от Астрахани сами плыли вверх по Волге до Твери, через Оку до Москвы, по Сухоне до Устюга, по Северной Двине до Архангельска, а по Белому морю на Соловки и дальше к

иноземцам. Распродадут купцы товар, загрузят рыбы соленой, мехов, соберутся в обратный путь, а тут уж и зима пришла, реки встанут. Вот где хочешь, там и зимуй до весны с товаром, за два сезона один раз туда и обратно сходят. А как появилась в среднем верховье Волги ярмарка, купцы к концу июля с разных сторон приплывали, за три недели распродадут, закупят товар и до холодов успевают вернуться по домам. Вот и получается, что раньше один длинный путь проделывали, а сейчас туда полпути и обратно полпути, за лето оборачиваются, вот в чем выгода Макарьевской ярмарки.

Как только лодка минула русло Керженца и вошла в широкий волжский простор, ее закачало на больших волнах. Они бились о борт лодки уверенно и твердо, несравнимо с лесной речкой, здесь можешь не удержать равновесия с грузом и перевернуться. Евдоким встал и вскрикнул:

– Ого-гоо! Волга-матушка, силища-то у тебя какая! Ого-гоо! – Поприветствовав великую реку и подняв себе настроение, Евдоким взялся за весла и начал рьяно грести.

– Тут глубина, багром уже не толкнешься. Хорошо, что с грузом по течению идти, а не супротив. Вот так и в жизни: пока идешь по течению, куда тебя волна несет, все ладно. А будешь супротив течения грести, так начнет тебя кидать из стороны в сторону, да и идти будет куда тяжелее. Вот какую хочешь, такую и выбирай себе дорогу, – учил Евдокима отец.

Эти мысли посетили Евдокима от приближения к Макарию, он то и дело поглядывал вдаль противоположного берега, где стояла крепость на Оленьей горе. Он на нее всегда ориентировался, когда ходил на встречу к Анисье. Зимой пешком через замершую Волгу или летом плыл на лодке, течением уносит в сторону, и приходится сильнее налегать на весла, чтобы попасть к тому месту, где проторена тропка. Сейчас Евдоким сидел спиной по ходу течения, поворачивая голову, он задира подбородок и смотрел, когда появятся вблизи купола храмов Макариевского монастыря. Солнце склонилось в закате, по волжской воде, блестя золотом, словно горящая, вытянулась волнистая дорожка, по которой проплывал Евдоким, любуясь куполами церквей и радуясь окружающему его миру.

Возле монастырских стен всю суетился народ. Пристать к левому берегу поближе к стене восточной стороны оказалось не так и просто, с каждым годом насадов³ приходило на ярмарку все больше, а поменьше суденышки да лодки так и вились, словно окуньки возле заводи. Года три уже, как стало больше появляться иноземных торговцев со своими товарами, да и у наших купцов закупали. Весь берег был завален товарами: пшеница, рожь, овес, коровье масло в бочках, лен, пенька, канаты, кожи дубленые, юфть, полотно, холсты, слитки меди, листы железа. Тащил свой товар на плече и Евдоким, торопился показаться отцу, чтобы он не волновался, при этом по сторонам старался не смотреть. Только под ноги, чтоб не наступить на чужое имущество. Да и не запнуться самому, не расколоть бочонок с медом, а то была уже один раз такая оказия, но о ней он вспоминал с удовольствием.

Отец был в лавке, Евдоким поставил бочонок, поклонился в ноги, облобызались, тятка быстро расспросил все о доме, как доехал, кто из бортников без него приносил мед. Рассказал все Евдоким и пошел за другим бочонком, теперь он уже не торопился, крутил головой по всем сторонам, рассматривал торговый люд, готовившийся к завтрашнему открытию торжища. Особенно интересно ему было наблюдать за иноземцами: турками, кызылбашами (персами), цинами (китайцами), немчурой разной. Лепечут по-своему, одеты пестро, некоторые табаком дымят, одним словом, простому русскому человеку казалось это забавно.

Вот и наступил день открытия ярмарки, у лавки купца Тихона с утра потихоньку начал собираться народ и пробовать мед из одного бочонка, из другого. К обеду расторговались, а к вечеру распродали четвертую часть завезенного меда. Тихон был доволен первым торговым

³ Большое речное торговое судно от 30 до 50 метров длиной с поднятыми бортами.

днем и позволил себе с устатку выпить немного медовухи. Раздобрел отец, стал сыну предлагать подыскать ему новую невесту, но Евдоким о женитьбе на другой девушке слушать не хотел:

– Тятенька, отпусти меня еще раз в Лысково съездить и узнать, может, отец Анисьи передумал отказываться с нами породниться? Я Терентия попрошу сходить к Никифору и поговорить с ним.

– Нет, сын, Никифор не будет с нами родниться: приказчика Феропонта да нового присланного в Лысково попа побоится.

– Все одно, тятенька, разреши мне сходить к Анисье, хоть одним глазком глянуть на нее в последний раз, а там как тебе угодно. С кем тебе ладнее будет породниться, из того роду и бери невестку.

– Сходить, поглядеть, что на нее толку-то глядеть, раз она уж будет не твоя, лишний раз только себе душу теревить, – передразнивая, ругал сына Тихон.

– Отпусти, тятенька?

– Вот заладил, дурья башка, отпусти да отпусти! Сказано тебе, к Анисье Фролка сватается, сын ярыжки при остроге. Бестолочь, беду на себя накликать можешь!

– Все одно прошу, отпусти?!

Поругался еще Тихон, да видит, делать нечего. Разрешил сыну в Успение сходить в Лысково, а в зимний мясоед велел ему готовиться к свадьбе с другой невестой, которую он сам ему подберет из своих знакомых родов. По отцовскому разумению, новая девица все так же потеха, а, став женой, обласкает Евдокима, страсть к Анисье у него и вовсе забудется.

Пришло Успение, к утру Евдоким переплыл к правому берегу Волги, добрался до Лыскова, прошелся несколько раз вдоль дома Никифора, пока собаки не залаяли. Ему повезло, Анисья выглянула в окно, но вскоре ее кто-то одернул, Евдоким решил уйти к церкви и там ждать. Народ шел в церковь, позади отца с матушкой шла и Анисья в летнем, праздничного покроя сарафане. Рядом с ней два младших братишки и сестренка. Евдоким снял шапку, выступил вперед и поклонился в пояс Никифору, тот ответил головой, и, было видно, с неохотой. Анисья встала, их глаза устремились друг на друга. Ее обычно краснощекое лицо было белым, выражало печаль. У Евдокима лицо тоже побелело, а сердце в груди билось сильнее. Никифор заметил, что люди стали обращать на его семейство внимание, он резко повернулся, сделал строгий взгляд. Матушка дернула дочь за рукав, Анисья опустила голову и прошла мимо. Евдоким стоял и смотрел им вслед, его осматривали мимо идущие люди, он тоже пошел за ними в церковь.

Перед самым церковным крыльцом путь ему преградили двое парней: это был Фрол с приятелем Митрофаном, сыном Феропонта.

– Знаем тебя, с заволжских лесов будешь, сын купца Тихона. Отец твой раскола придерживается. Зачем к нам в церковь идешь? Наш новый батюшка по исправленным книгам службу ведет, – говорил Фрол.

– Не к попу иду, к Богу, – ответил Евдоким и протиснулся между двух вставших стеной парней.

– Батюшка не велел пускать раскольников! – Крикнул в спину Фрол.

– Мы ничего не раскальвали, чтим переданный отцами обряд святости на Руси, – спокойно ответил Евдоким.

– Учить нас пришел, раскольник, – уже зло закричал Фрол, – а то мы не слушаем проповеди?! Знаю от тятки, указ такой имеется, за раскольничью проповедь у церковью сажать в острог! Хватай его, Митрофан, к тятке моему тащим!

И два парня бросились на Евдокима. Он отбивался, справлялся с ними обоими и хотел уже убежать, но Фролка, лежа на земле, цепко схватился за ногу Евдокима и во всю глотку закричал:

– Подсоби, народ, держи раскольника! Тащи его в острог!

Кто-то смотрел, не пособляя, не считая для себя возможным помогать удерживать русского православного христианина, в недалеком прошлом полного своего единоверца и по обрядности тоже. Но нашлись и такие люди, кто захотел помочь Фролу с Митрофаном, больше не по совести своей, а из-за страха, чтобы потом самому не ответить перед ярыжкой или, тем более, перед приказчиком Феропонтом за нежелание помогать их сыновьям. Схватили Евдокима еще два мужика и повалили наземь, завязали кушаком руки назад, а Фрол в этот момент наносил удары ногами. Потасили Евдокима к погребу и столкнули в холодную яму, дверь закрыли на скобу, Митрофан остался сторожить, чтоб не нашлось какого-нибудь сострадавшего, и не отпустили его, а Фрол пошел за отцом, стрелецким ярыжкой.

Пришел Онисим, и они втроем связанного Евдокима отвели в крепость и посадили в острог. Арестовать это одно, ярыжка стрелецкий имел какие-то полномочия, а вот судить не позволялось ему, и они на вторые сутки собрались вести Евдокима в Нижний Новгород к воеводе или митрополиту. Пока держали Евдокима в остроге, не поили и не кормили, только приходили проверить узлы и, где ослабло, подтянуть покрепче.

– Принеси ковш воды, – сказал стрелец ярыжка Онисим своему сыну Фролу, – а то не доведем, по дороге помрет еще.

Митрофан поднял Евдокиму голову, Фрол, улыбаясь, держал ковш с водой на расстоянии и плескал ему в лицо, а он слизывал воду со своих разбитых губ. Погрузили его в телегу, за извозчика уселся Фрол, Митрофан рядом в телеге, а Онисим в полном вооружении верхом на коне в сопровождении, отправились в Нижний Новгород. К ночи привезли в Нижегородский Кремль к Ивановской башне, где размещался острог, передал Онисим и заготовленную бумагу, в которой сказывалось о выдуманных совершенных злостных деяниях Евдокимом: проповедовал старую веру у церкви, ругал новый обряд и подбивал народ на бунт супротив царевой власти.

Глава 2

Христофор

Обитатели Ивановской башни развязали Евдокима, напоили из кувшина водой, кто-то дал сухарь хлеба. И потянулись долгие дни и ночи жизни в темнице: то в самой башне, то возле нее в земляной тюрьме. Если бы не боялся Евдоким потерять Анисью, да знать бы ему, что недолго придется в темнице сидеть, так он и не жалел бы, что с ним так случилось. Тут Евдоким познакомился с одним из сидельцев, старцем Христофором, умным и грамотным человеком, прошедшим длинный жизненный путь, лично знавшим знаменитых на Руси людей. Беседы с ним занимали все время дня, а порой и ночей. Много узнал Евдоким от старца Христофора о Руси. Он стал думать, что так было угодно, что они встретились. Не дал старец молодому парню в темнице впасть в уныние, вселил в него больше веры, дал надежду на будущую жизнь.

– Скажи, старче Христофор, – спросил Евдоким, – есть ли правда в никоновом новшестве обрядности?

– Истина одна, в поисках ее люди идут разными путями, отсюда и правда получается разная, – ответил Христофор, и посмотрел старик на молодого парня, увидел в его глазах жажду к познанию и продолжил:

– Была мне в жизни благодать, довелось несколько лет прожить в Троице-Сергиевом монастыре, с самым архимандритом Дионисием познакомиться. Великой праведной души человек, большой знаток Божьего писания. Читал я переводы Дионисия проповедей Ивана Златоуста, во многом по его трудам мы теперь и знаем о праведном пути к христианскому обществу. С Иваном Нероновым, учеником Дионисия, там же встретился, он учил меня не только о спасении своей души думать, но и о спасении других заботу проявлять, говаривал: «В миру живешь, с миром и спасайся». Служил Иван Неронов протопопом Казанской церкви на Красной площади, с ним же и Аввакум служил, вместе они в первых рядах и выступили с обличением Никоновых нововведений, открыто отстаивали отеческую веру. За это Неронова сослали в Спаско-Каменный Вологодский монастырь, он оттуда писал к царю и царице письма с обличением деспотизма Никона, требовал созыва представительного собора для решения церковных дел, так его еще дальше услали в Кандалакшский монастырь, а он сбежал. Аввакума заточили в подземелье Андроникова монастыря, потом отправили с женой в Забайкалье и дальше в Якутский острог. Так он и мыкался по Сибири, почитай, 11 годов. А сейчас Аввакума содержат на Севере в Пустозерске в тюрьме из сруба в земляной яме. Это очень далеко, но туда можно доплыть по Печоре. В устье реки и будет этот острог. Я ходил туда, стражу можно умолить пустить к нему. Или от него весточку они сами передадут. Его там почитают, будешь в тех местах, навести его и от меня поклон передашь, мне уж видать не доведется.

– А для чего Никон задумывал обряды менять? – С жадой интересовался Евдоким.

– Когда Иван Неронов в Даниловой монастыре принял монашество с именем Григорий, то задумал он церковное примирение наладить и пошел к Никону, тот его принял, они помирились, а раскола не остановили. Многие сторонники старого благочестия тогда осудили Неронова за личное примирение с Никоном, а он искал примирение не для себя одного, а для всех христиан. Помирились Никон с Нероновым, Никон ему и говорит: «Молись, Григорий, как знаешь», – вот и думай, в чем его новизна правдивее. Раньше святость была на Востоке, мы об этом знали, а сейчас они, посчитай, больше полутора ста лет, как под басурманами живут, латинские книги читают, теперь нам об их святости ничего неведомо. Москву Третьим Римом называем, так и создавайте вселенскую церковь на своих отеческих традициях в православии. А Никон, наоборот, стал восточным патриархам потрафлять, на их манер обряды менять, а они его свергли с патриаршего престола. Он ругался, оскорблял их, вот тебе и проповедь о смире-

нии, все от гордыни. Теперь Никон сам особого интереса к обрядовой новизне не испытывает, зачем ему, коли он не патриарх более, живет простым монахом в Ферапонтовом монастыре на Белом озере. – Христофор покачал головой и сказал:

– А разве мы в Нижегородском ополчении с Мининым и Пожарским неправильно нашего Господа славили, осеняя себя двуперстием. Шли в Москву смуту умирять, когда поляки нам на милость сдавались!

– Так вы, старец Христофор, в народном ополчении Минина участвовали? – Удивленно спросил Евдоким, ему о нем рассказывал отец.

– Тогда я моложе тебя был, вот недалеко от этой самой башни, где мы ныне с тобой темники, ты молодой и я старец. Как сейчас помню, за стеной собралось много жителей посада, а накануне собирались священство и другие старшие в городе люди, обсудили и к народу вышли с воззванием. Я, расталкиваясь локтями, хочу поближе пробраться, а взамен подзатыльники получаю, но мне удалось. Услышал речь протопопа Саввы и Козьмы Минина-Сухо-рука, они грамоты Дионисия читали, с благословения патриарха Гермогена призывали встать за веру Христову, тогда еще неисправленную на новый лад, а свою, отеческую. Звали на помощь Москве идти! Меня поначалу не хотели брать, говорили: «Малой еще», – и мать не пускала, а отец благословил. С ополчением я в Кострому пошел, потом в Ярославль. Там долго стояли, народ кликали, деньги на оружие собирали, а оттуда двинулись к Троицкому Сергиеву монастырю, и там уж рукой подать до града Москвы. За год в ополчении быстро возмужал, поначалу мне в обозе велели быть вроде посыльного, или где кому помочь: оружие, кольчугу подковать, а первая битва началась, приходилось раненых тащить к обозу, со второй битвы сам уже с мечом в ряду стоял. Кто тебе даст указ сидеть в обозе, коли оружие осталось лежать на ратном поле. Могу сказать, от друзей своих старался не отстать, а об удали моей пусть судят другие. Много доброго народа я в ополчении встретил. После освобождения Москвы один добрый человек в Троице-Сергиевом монастыре послушником поселиться помог, грамоту глубже там постигал, книги отцов церкви читал. Потом ушел в Москву, там жил, со знатными боярами познакомился, вернулся в Нижний Новгород. Родные меня поначалу и не признали, уходил с ополчением совсем юнец, а вернулся муж. Со временем народ стал и ко мне за советом приходиться, сам ходил по окрестностям проповедовал веру православную по отеческому преданию, вот и пострадал за веру. А самого-то Дионисия, который воззвания для спасения Москвы по городам рассылал, после Смуты новая власть в острог посадила, в ереси обвинили. И пока отец царя Михаила Филарет из польского плена не вернулся, не заступился за него, тогда только выпустили, вот так у нас к верным сынам отечества относятся. А приехал тогда Патриарх Иерусалимский Феофан, так он свой клобук на голову Дионисию возложил.

– Старче Христофор, а есть на Москве бояре, что старой веры придерживаются?

– Посчитай, в душе так всякий умный боярин. Сама матушка-царица Мария Ильинична в церкви не противится никонианству, а дома молится, как ей душа велит, и заботу о сиротах старого благочестия имеет. И наша любимица Феодосия Прокопьевна Морозова, будешь в Москве – обязательно ее дом навести, там много наших собирается, – от меня весточку с поклоном передашь, позже я о деле расскажу. Раньше боярыня Морозова всегда на службу в церковь в Кремль ездила, с царицей они подругами считаются, царевичей и царевен воспитывать она помогала. А сейчас Феодосия Прокопьевна переписку с Аввакумом ведет и за его страдания на царя обиду держит, и в Кремль не ходит, как бывало. А послания Аввакумовы Феодосия Прокопьевна с царицей Марией Ильиничной вместе читают, а царь прознал о такой переписке и сердится на Морозову.

– А о чем Аввакум в своих посланиях пишет, во что он верит?

– Верит Аввакум, что пробудится в отдельном человеке вера Христова и от этого все общество нравственно преобразится. Пишет, мы за Христа страдаем, как первые христиане

страдали, чем же гонители наши от римских язычников отличаются? Единого Бога славим, так за что же нас в темницы кидают, на цепи сажают, словно зверье, языки режут, в срубках жгут.

– Может, народу также с властью поступать, как они? С оружием защищаться? – Хотел больше понять Евдоким.

– В коих местах и с оружием народ защищается, да вот беда, соблазн греха властолюбия у человека велик. В этом грехе власть повинна, так что же нам им уподобляться? Словом Христовым с любовью к человеку и своей достойной жизнью веру проповедовать нужно, за тобой больше народа пойдет. Феодосия Прокопьевна Морозова вечерами за чаем подолгу беседовала с нами, сиротами, велела ждать и терпеть, восторжествует вера Христова в Московском государстве. Феодосия Прокопьевна сказывала, старший из наследников престола, царевич Михаил, добр душой и, как матушка-царица, не принимает Никоновых новшеств, так что будем ждать доброго и праведного царя для Руси Михаила.

Сам Алексей слывет в народе тихим царем, да вот беда, несамостоятельный он. Смолоду слушал названного тятку, боярина Бориса Морозова, друга своего отца, царя Михаила. В честь деда Алексей Михайлович и назвал своего первенца Михайло, так в Московском государстве все потихоньку и ладилось. А вот как не стало боярина Морозова, царь попал под влияние Никона, так и стал его научения за свою волю выдавать. А боярам только бы в казну руку запустить да своих людишек обирать, еще хотят, чтобы их почитали и любили, а от обид какая у народа будет любовь с почестью.

Испытание Смутным временем для Руси было Божье наказание за наше маловерие, но Русь вышла из него единойдушной. Освободили Москву от ляхов да самозванцев, нам бы Бога в смиреннии благодарить, а власть Никонову прелесть с кнутом насаждает. Начнут менять сложившийся уклад в церкви, во всей жизни уклад изменится. Духовная смута поднимется, маловерие восторжествует, люди от церкви и царя отвернутся, в корысти да в пьянстве утешение себе будут искать. А от этого новая беда на Русь придет, и, пока мы не вернемся к своему традиционному укладу жизни, где голос народа на миру слышен, а не только государев, ладу в русском доме не будет. Старец Христофор грустно опустил голову и задумался, а потом добавил:

– Судьба нас ждет с тобой нелегкая, я уже старый и сам выбрал свой путь, служить Богу и народу, а ты молодой, тебе жить, своей волей принимай решения, какой дорогой пойти.

Так за долгими беседами да допросами с пристрастием палачей воеводских да дьяков, требовавших от Евдокима и старца Христофора отречься от старой русской православной веры, прошла зима. К весне старец Христофор не выдержал пыток да побоев, занемог и помер. А Евдокима заковали в цепи, приказали на щеке выжечь букву, если сбежит, чтоб каждый мог видеть, – этот «колодник». Палач поднес раскаленное клеймо, Евдоким отвернулся в сторону, и прижог получился ближе к скуле. Когда щека покрылась молоденькой бородкой, то шрам был плохо заметен. Это порадовало парня.

* * *

Прошли волжские льды, паводок начал спадать, потянулись по Волге первые суденышки, подошел к Нижнему Новгороду и караван с казенным хлебом для Царицына и Астрахани, боярские да купеческие насады с товаром, а одно судно было с заколоченным трюмом и стрелецкой охраной. Нижегородскому воеводе грамоту приказную с Москвы передали: коли есть молодые да здоровые в остроге, отправить в низовья Волги черту защитную от набегов ногайцев строить.

Гремя цепями, Евдокимку погнали под горку на берег, весны в этом году он еще не видел, все в темнице держали. Вот она полноводная Волга-матушка, за водяной гладью вдали виднелся его родной левый луговой зазеленевший берег, так и захотелось парню, как бывало, крикнуть: – «Ого! простор-то какой!». Вдоль ближнего берега вытянулся длинный караван, возле

судна, на которое привели Евдокима, стоял пристав в окружении ярыжек, стрелецкий голова со стрельцами и приказной Сыскного приказа. Заскрипели замки, петли, открылся люк трюма, а оттуда пошел запах гнили, и вместе с ним боль человеческая вырвалась на свет Божий. Евдоким взглянул в голубое небо, там кружила вольная птица, глотнул свежего воздуха, и чья-то рука втолкнула его в яму трюма.

Тронулся караван вниз по Волге, Евдоким лежал на дне судна в темноте, окруженный арестантами, как и он закованными в цепи, а кто был ссыльный – без цепей. Где-то слышался надрывный кашель: этот еще поживет, вот тот тихо давно стонет, может не доплыть до конца большой реки. В сознании Евдоким просчитывал, где он проплывает в данный момент:

«Вот тут, вот сейчас с левого берега уже должно быть устье Керженца, родина, дом, как передать отцу, что везут его вот на этом караване, хоть бы знал он о своем родном сыночке, не убивалась бы от неизвестности и мать. – При этих мыслях Евдоким сразу почувствовал голод, и сильно захотелось есть, до этого он не думал о еде. – Давно не ел горячего кушанья, приготовленного матерью к самому подъему на ранней зорьке. Будет ли еще в моей жизни такое, чтоб все вместе отмечали именины: отец, мать, сестры, братишка, тепло на полатах после истопленной печи. – И он зажал ладонями голову и поджал к животу колени, стараясь изменить положение, чтобы отвлечь себя от голодного мучения. – А вот сейчас проплываем Макарьев монастырь с прилаженной к стенам ярмаркой, разлив еще не совсем спал, не потопило ли в этом году левый берег, не разрушилась ли новая лавка, сколько ладили с отцом в прошлом году. Как справится тятка один со строительством лавки и амбара? Если опять смыло, будет он один трудиться да о сынке печалиться. А на правом берегу где-то возлюбленная Анисия, она тоже не знает, что Евдокима везут, – после этих мыслей боль от желудка подступила к сердцу, – обвенчаюсь ли с кем, коли Анисью выдадут замуж, будут ли у меня сыновья, или меня ждет тяжелая судьба каторжанина».

Так проходил день за днем, нижняя часть судна была погружена в холодную, весеннюю воду, Евдоким лежал лицом в просмоленные доски трюма. Озноб пробирал его тело, временами арестанты, как брошенные слепые котята, прижимались друг к другу, чтоб согреться. Он смотрел перед собой и ничего не видел, ему хотелось отогнутыми ушками кандалов на запястьях прорезать щель в днище, в последний раз напиться волжской воды и опуститься в пучину, – но он не один и поэтому не имеет права принимать такое решение. Евдоким вспоминал Христофора, прокручивал в голове беседы с ним, знал, что старец не одобрил бы его отчаянья, и это помогало ему держаться, стало даже стыдно за свою душевную слабость. Евдоким перевернулся на спину, смотреть было все равно куда, везде было темно, слышался только чей-то кашель, храп. Пока они плыли, казалось, по бескрайней реке, подняли двух умерших, – все ли дотянут. И вот наконец-то их судно причалило, выгрузились на берег, было раннее утро, Евдоким дыхнул полной грудью свежего волжского воздуха, над водой, словно пар, клубился белый туман, но не чувствовалось его прохлады:

– Как на родном Керженце, – мелькнула приятная мысль.

Виднелись постройки посада, крепость, это был Царицын. Тут в степи и нужно было размещать Черту от набегов степняков, но за все лето Царицынский воевода Андрей Унковский так и не распорядился отправить колодников в степь работать, он неплохо эксплуатировал их труд на своем дворовом хозяйстве, – государева служба подождет, свое-то ближе. Унковский принадлежал к таким воеводам, которые наносили вред Московскому государству своим воровством местной казны больше, чем все окрестные воры вместе взятые. А тут вдруг воевода спешно распорядился всех колодников бросить работать день и ночь по укреплению городской стены. Слушkom от стрельцов арестанты услышали, что казаки из Персии возвращаются, два с половиной года их не было, думали, и не вернуться. А тут, на тебе, возле Астрахани стоят, со дня на день челны их возле Царицына могут показаться. Как воеводе Унковскому поступить,

не знает он, выгадывает, хитрец. С казаками дружбу водить государь запрещает, можно в опалу попасть, а открыто казакам противостоять боится.

Перестали колодников на работу гонять, какой день держат в тюрьме, затих весь Царицын, но потом за стенами стало шумно. И вдруг отворилась дверь и с хрипотой, но веющим свободой голосом прозвучало:

– Все, вываливай на волю!

Поползли арестанты, потопали, загремели цепями. Вышел Евдоким, посмотрел на синее небо, солнце конца лета 1669 года припекало, это же низовья Волги, а не среднее верховье. По Царицыну казаки гуляют, свой товар из Персии продают и стрельцы с ними, все вроде вместе. Подвели колодников к крепкому, одетому в добротную рубаху казаку, он окинул их взглядом и уверенным голосом сказал:

– Мы казаки вольницы, атаманом буду я, зовут меня Степан, сын Тимофея Рази! Нам ваше воровство неведомо, и розыск мы не чиним. Кто захочет идти, куда его глаза укажут, пусть идет, а кто захочет со мной пойти, тот вольным казаком будет!

Стрельцам, все еще пытающимся стеречь арестантов, не совсем понимающим всего происходящего, атаман тоже предложил определиться: с ним идти или у воеводы оставаться, а могут и по домам уходить. Стрельцы бросили колодников опекать, сгучились в две кучи, одни оставались с казаками, другие шептались в раздумьях.

Атаман вновь развернулся к арестантам, они все как в один голос загалдели:

– Батюшка-атаман, из могилы нас поднял, как нам не идти за тобой, – и стали земным поклоном благодарить, а некоторые на колени повалились. Только один Евдоким спросил:

– За что воюешь, атаман?

– За волю народную! – Ответил Степан Тимофеевич. – К персам за зипунами ходили, а далече жить будем, как круг вольных казаков прикажет.

– За Святую Русь и волю народную буду стоять, а разбой чинить не стану, если подойду тебе такой, прими, атаман, верой служить буду, – сказал Евдоким свое решение.

– Не хочешь разбой чинить, – усмехнулся Разин, – а бояре-лиходеи над бедным народом не разбой чинят? Я по всей Руси прошел, и везде видел голод, несправедливость!

Разин всмотрелся в лицо парня, на щеке которого чуть прикрывшейся еще не густой бородой, виднелся шрам выжженной буквы, должной обозначать для каждого встречного городского стрельца или приказного, что этот «колодник». – А что ты под святостью Руси себе мыслишь? – Спросил Степан Тимофеевич?

– Жить по христианскому благочестию, устоявшемуся на Руси, заповеданному нам отцами и дедами, чтоб святость в жизни примером была, а не корыстолюбие и разбой, – не прошли даром долгие беседы со старцем Христофором.

«Этого обласкай, так он не продаст и не украдет», – подумал про себя Разин и сказал:

– За старую веру будешь стоять, воля вольному, – немного помолчав и, словно одумавшись, Разин громко изрек:

– Вера – это дело поповское, а наше дело казацкое, саблей воли добиваться!

Вокруг заблестели клинки, и послышался восторженный гул в поддержку слов атамана. Казаки повели колодников к кузнецу помогать снимать цепи. Один казак по дороге рассказывал про своего атамана Степана Тимофеевича, как тот совсем недавно оттаскал за бороду их мучителя, царицынского воеводу Унковского. Освобожденные арестанты слушали казака с восхищением, а он, видя в глазах восторг, добавлял:

– Атаман у нас ведун⁴, мы с ним на Хвальнском море⁵ кизилбашей били, удачливый атаман, мы с ним из таких переделок выходили, ух ведун!

⁴ Колдун.

⁵ Каспийское море.

Глава 3 У Разина

Итак Евдоким с ватагой Разина в полторы тысячи человек ушел на Дон и стал там жить вольным казаком. Не потерялся он в большой массе восставших людей, быстро нашел себе сотоварищей, которые думали так же, как он, что русским самим нужно мыслить, а не вечно на чужаков оборачиваться. За рассказы о родных местах, о речке Керженец, на которой Евдоким вырос, за шрам на щеке, сотоварищи стали его прозывать Кержаком. У вольных казаков так было принято, называть по прозвищу, если к которому оно пристало. Не забывал нового казака и Степан Тимофеевич, часто поручал своим есаулам ставить Кержака винную хлебницу сторожить. Уверен был атаман, что не выпьет он самовольно чарки, а иной раз и казну вольницы беречь, ставил и на стражу у своего ночлега. Все понимали: оказывает атаман особое доверие Кержаку.

На слиянии рек Дона с Донцом Разин построил небольшую крепость, городок Кагальник, – бревенчатое земляное укрепление, домишки врытые в землю, – и обосновался там со своим войском. Всю осень и зиму туда валили отовсюду беглые крестьяне и посадские, народ больше шел из ближайших областей центральной России, где гнет крепостничества был невыносим. Атаман принимал новеньких, одевал, обогревал. Московское правительство решило наказать строптивых казаков и перестало посылать на Дон хлеб. Видать, царевы бояре долго думали, чтобы принять такое решение. Лишившись последнего хлеба, голутвенные⁶ казаки еще с большим желанием пошли в войско Разина, «им уже нечего было терять». На средства казацкой вольницы закупалось оружие, Евдоким, не имея опыта в ратном деле, с осени до весны учился у старых казаков, прошедших войны с Крымскими татарами, с турками, с персами, владеть саблей, заряжать пищали, пушки, палить из них.

За долгие вечера у костра в ожидании приготовления похлебки наслушался Евдоким рассказов о людской боли, которая каждый день гнала людей в стан восставших. У каждого была своя душевная боль: непосильные налоги не сумел уплатить, – живого места на спине плетью не оставят. А то и вовсе грех творили господа дворяне да их приказные: девок крестьянских в дом силком на развлечения брали и потом замуж выдавали, а иная понравится, у себя держали и ублажались. Какая молодуха не выдержит издевательств, – руки на себя наложит. Так было с девушкой Данилы, нового дружка Евдокима. Все эти обиды и заставляли людей собираться под знамена Разина. Наслушавшись беды людской, свернется калачиком Евдоким поближе к уголькам костра, о своей душевной боли печалится, Анисью вспоминает, об отце с матерью думает.

«Как так могут господа свой народ православный обижать, они же сами христиане?» – Не мог понять Евдокимка.

Случалось Кержаку у ночлега атамана на страже стоять, Степан Тимофеевич с вечера с есаулами да старшинами беседы ведет, ужинают вместе, отпустит их спать, а сам не торопится ложиться. Подзовет к костру Кержака, разговор с ним заведет, видел он в нем другого человека, чем большинство в его восставшей дружине: кто из-за горя приходил, мести хотел; кому деваться было некуда; а кто и просто пошалить, волюшкой упиться, нажиться да пропить.

– Из Москвы весть была, – сказал Степан Тимофеевич, – что Соловки не принимают новых церковных книг, царь туда воеводу со стрельцами послал, оружием будут новой вере монахов учить.

⁶ Беднейшие.

Кержаку всегда доставляло удовольствие разговаривать с Разиным, многое ему не нравилось в восставших, их дерзость, жестокость к захваченным дворянам и приказным, он переживал, думал, искал им оправдания. Были мысли и желания уйти из движения восставших, вернуться к себе на Керженец. Он понимал, что родители ждут, но обещал служить честно. Атаман не заставлял его заниматься разбоем, кого-то казнить, говорил: «Воюй за волю, за старую веру».

– Бывал я на Соловках, – продолжал Разин, – ходил к святым угодникам Зосиме и Саватию поклониться, казаки очень уважают их за помощь в исцелении ран, да просил молиться за упокой души отца своего Тимофея да старшего казненного брата Ивана.

Кержак палкой сгребал костер в центр, услышав последние слова атамана, посмотрел ему в глаза, в них отблеском от огня сияла обида и злость, ему казалось, они плачут, он спросил:

– А за что казнили брата?

– Невинно пострадал, атаманом казацкого отряда в войсках боярина Юрия Долгорукого он был. По устоявшему обычаю казаки цареву службу только до зимы несут, и возвращаются к своим куреням. И так казаки защищают Русь зимой и летом от крымчаков, турок, чего еще Москве от Дона надо? А тут война с поляками, казацкий круг решил на зиму уходить на Дон, брат выполнил решение круга и увел казаков, а Долгорукий велел своему дворянскому войску не с поляками воевать, с ними он договорится, там шляхта, как и он, дворянская. Ему главное казаков непослушных наказать. Нагнали, схватили брата и казнили. Бог даст, повидаемся с боярином Долгоруким. Мой крестный Корнила Яковлев на всем Дону атаман, я мог бы с ним служить и цареву плату делить, добра себе наживать. А прошелся я по Руси, с посольством казацким в Москве был, повидал слезы, везде-то одна беднота, кабальные. А бояре да бары жируют, и я им служи, с их стола куски подьедай. Нет, по-иному, по-справедливому жить надо! Поэтому я и поднял голытьбу казацкую, опальных людей на борьбу!

– Мне старче Христофор рассказывал, арестантами мы с ним вместе в нижегородском остроге были, он в Москве знатную боярыню Морозову знает, она лучшая подруга самой царицы и в царскую семью вхожа. Так она ему сказывала, старший царевич Михаил добрый и справедливый. Как станет Михаил царем, и жизнь на Руси изменится, – поделился своим сокровенным с атаманом Кержак.

– Если при добром царе во главе войска избранный на сходе вольным народом атаман будет, тогда и царь добрым будет, а если окружение царева, как ныне, из служивых воевод да бояр состоять будет, то не сможет твой царевич добрым царем быть, они не дадут ему, – рассудил Разин. – В одном ты прав Кержак: за одним атаманом народ не пойдет, им доброго царя подавай, без своего царевича и благословения архиерейского нам не одолеть войска дворянского на Москве.

Степан Тимофеевич лег спать, а Кержак стоял на страже и не боялся этой ночью задремать на посту, он чувствовал внутренний подъем после беседы с атаманом, это ему помогало лучше понять Разина. Иногда он не понимал его, а как поговорит с атаманом, почувствует силищу его к свободе, так и менялось впечатление. Понимал он, что такого человека заставило поднять народ на борьбу: защита бедных и обездоленных.

Кержак видел перед собой в темноте свою мечту: Москва белокаменная с золотыми куполами, он представлял ее как Макарьевский монастырь, только больше. Стоит молодой добрый царь Михаил, по правую руку от него главный воевода, избранный народом атаман Степан Тимофеевич, по левую руку боярыня Морозова с Аввакумом, а в стороне недалече он с отцом и матушка вместе с Анисьей. Вот за исполнение этой мечты он и готов идти в сражения.

Лишение Дона хлеба результата для боярской Москвы не принесло, весточка к ним приходила, что голутвенные казаки и беглые крестьяне пополняют войско Разина. Им ничего не оставалось делать, как прислать на разведку под видом дипломата в Черкасск служилого Герасима Евдокимова. Закончилась его миссия тем, что атаман Степан Разин утопил его в Доне

за то, что не царским оказался он посланником, а от предателей народа – бояр. Так решил сам Разин, и этим отрубив себе дорогу к примирению с Москвой. А вольный казак Кержак сопровождал Разина на сход, узнал, как называл себя присланный из Москвы человек, Евдокимов Герасим, задумался: «Видать, родича его звали так же Евдокимом. За что же его атаман загубил?» Пытался остановить своего крестника от похода супротив бояр и атаман домовитых⁷ казаков Корнила Яковлев, а Разин ответил своему крестному:

– Ты владей своим войском, а я буду владеть своим.

Собрал казачий круг атаман Стенька Разин и обратился:

– Любо ли вам, братья-казаки, идти на Русь, изводить изменников-бояр, воевод и приказных лиходеёв, дать волю народу!

И услышал атаман тысячи голосов, слившихся в один:

– Любо! Любо!

В Паншине-городке состоялся новый круг казаков, туда привел свой отряд известный на Дону атаман Василий Ус, он уже имел опыт битвы с дворянским воинством. Ус признал верховенство атамана Разина, так как войско у Степана Тимофеевича было больше, да и опыта больших сражений за два года на Хвалынском море он приобрел больше, оставалось обсудить путь, по которому они пойдут на Москву. Решили идти не прямым, более близким путем к Москве от верховья Дона через Воронеж, Тулу. Здесь и с крестьянства дерут три шкуры, поднять их легче, но не знают они атамана Разина, да и войско дворянское уже обученное стояло с этой стороны, поджидая вольных казачков. А у восставшей дружины большинство таких воинов, как Кержак. Они не были еще ни в одном сражении. Поэтому пошли к Волге, чтобы начать с низовья и подниматься, путь более длинный, но оправданный тем, что народ здесь уже знал Разина. Набраться опыта ратного дела и увеличить численность восставшего воинства.

В мае 1670 года Разин начал свой поход на Волгу, подошел к Царицыну, раскинул лагерь. С небольшой частью казаков атаман ради удали сделал набег на степных ногайских татар, вернулся и удивился: город сдался без боя. Жители сами открыли ворота стоящим под городом восставшим, они знали Разина еще по осени, он был в городе гостем, вел честно торговлю, раздавал подарки. Воевода царицынский, Унковский, умудрился за зиму сменить службу, вымолил у царя. Чувствовал, лис, вернутся казачки и добром для него это не кончится. Новый воевода Тургенев со своими приближенными заперся в башне, но башню взяли и всех выволокли. Новый воевода народу не полюбился и на общем сходе решено было его утопить. Волю народа казаки исполнили, также казнили некоторых командиров, но полуголову⁸ по просьбе стрельцов пощадили. И по приказу самого Разина помиловали детей воеводы и племянника. В Царицыне было введено управление собрания вольного народа по принципу казачьего круга. Имущество казненных и обижавших людей богачей по решению круга было разделено поровну среди бедноты. И главное для каждого бедного не то, чтобы получить какую-то тряпку, чьи-то порты, а то, что его впервые в жизни посчитали равным со всеми человеком, не забыли и дали эти порты. У одаряемого слезились глаза. В такие моменты Кержак в душе прощал Разина за недавние свои обиды, видя, как тот легко отдаёт команды казнить стрельцких командиров или воеводу.

Подошел на помощь к Царицыну отряд стрельцов под командованием Лопатина, его умело встретили на Волге казаки на стругах, заманили к берегу в западню и разбили. Астрахань – ближайший к Царицыну крупный форпост Московского боярского государства. Там большое войско, но не дворянское, а стрельцов, не всегда вовремя получавших плату за службу. Многие стрельцы были сами высланы на край Руси за какие-либо прегрешения в службе в других, ближних к центру, городах. Стрельцы были не однородная масса, и службу несли каждый

⁷ Зажиточных.

⁸ Звание.

по-своему. Астраханский воевода Прозоровский узнав о событиях в Царицыне, выслал для подавления восстания экспедицию во главе с князем Львовым. Но при встрече с разницами, оказавшись в окружении, стрельцы сдались без боя, перейдя на сторону восставших. Свободные стрельцы на своем круге решили казнить начальников. Один ординарец заступился за своего голландского офицера артиллериста Фабрициуса, и ему оставили жизнь. Сам атаман Разин ходатайствовал перед кругом за князя Львова, то ли из-за прежнего знакомства, когда он был в Астрахани после Персии, то ли из-за политической выгоды, остается сия тайна неизвестна. Были взяты еще два небольших близлежащих городка, Черный Яр и Камышин. В одном жители сами открыли ворота, в другом казаки обманом взяли. Теперь путь лежал на Астрахань, нельзя было восставшим оставлять в тылу сильное воеводское войско.

В начале второй половины июня Разин подошел к Астрахани, город имел одну из самых лучших крепостей, Кремль. За ним Белый город с каменными стенами, на башнях и стенах много пушек, пушкари, стрельцы. Атаман собрал небольшой круг из своих есаулов и старшин обсудить предстоящий штурм, было решено послать агитаторов с предложением сдать город без боя за сохранение жизней и неразорение города. Агитаторов проводили два местных нищих, один безногий. Власть астраханская с агитаторами и нищими поступила жестоко. Они были схвачены и прежде, чем их казнить, безжалостно истязали пытками так, что это не могло не вызвать у простых людей сострадания. Один из мирных посланников атамана был совсем еще юным, позже казаки сложат о нем песню. Также был казнен посланный Разиным человек, сам служивший в Астрахани и знавший тамошнее начальство, попавший в плен вместе с князем Львовым. Жестокость воеводская не могла не вызвать недовольства жителей Астрахани и низкого ранга служивых стрельцов. Воевода Прозоровский почувствовал стрелецкое волнение и поторопился выдать им жалование, у них же ранее украденное.

Когда атаман понял, что посылать своих людей с предложением миром сдать город нет смысла, их все одно убьют или кинут в тюрьму, он обратился к восставшему войску:

«За дело, братья! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать вам свободу и избавление, будьте моими братьями и детьми, и всем вам будет так же хорошо, как и мне, будьте только мужественны и оставайтесь верны!»⁹.

В ночь начался штурм Астрахани, внутри стен города простые посадские люди подняли восстание, на их сторону стали переходить низшие чины стрельцов. На стенах началась неразбериха: кто стрелял в сторону штурмующих, кто в горожан. Восставшим удалось стлы войти в город. Воевода Прозоровский был ранен, его отвели в церковь, туда же стали сбиваться стрелецкие командиры, дворяне, но вскоре церковь взяли. Как и во всех взятых казаками городах, Разин создал круг жителей Астрахани, и они решали судьбу своих мучителей: кого казнить, а кого миловать. С воеводой Прозоровским Разин сам поднялся на стену и оттуда столкнул его. Атаман отомстил за смерть своих агитаторов, пришедших с миром. Особенно за юного парня, который, по рассказам Астраханцев, при муках и казни звал на помощь «батьку», так многие казаки называли Степана Тимофеевича, а песню о погибшем юноше казаки назовут «Разинским сынком». На другой же день прекращались всякие грабежи и насилия над богатыми. За послушание казака могли самого казнить, завязать в мешке с камнями и бросить в воду. Но обиженных горожан было много, у каждого свои были счеты к тем, кто сопротивлялся восставшим горожанам и казакам. Они высказывали недовольство, называли имена, кто избежал наказания за свои бывшие притеснения бедняков. И они мутили народ и требовали от круга новых судилищ и казней, Разин таким отвечал:

– Ныне вы хозяева в Астрахани. Когда я уйду бояр бить, решайте на круге сами, как вам быть, а при мне новых казней не будет.

⁹ Текст – цитата из воспоминаний наемника-голландца, помилованного Разиным Фабрициуса.

Степан Разин со своим народным воинством оставался в Астрахани около месяца, сюда к нему отовсюду продолжали сходитьсь обездоленные или беглые люди. Собралось около шестидесяти тысяч. Хорошо жить в крепости, новую жизнь налаживать и смотреть, как эта свободная жизнь получается у людей. Но дальше выжидать было нечего, отсиживаться – только давать время боярам московским формировать карательное дворянское войско. Поэтому нужно было торопиться к осени до Нижнего Новгорода дойти или до Мурома, а, может, до Рязани, как сложится. Остался возглавлять круг жителей Астрахани Василий Ус, он был болен кожной болезнью и не совсем приспособлен к походной жизни, с ним остался Федор Шелудяк. А народное воинство с песней тронулось вверх по Волге на стругах¹⁰. Кто пешком в лапотках через плечо с рогатиной по холмам, а кто верхом на коне к Москве свободную жизнь добывать.

Был конец июля, ночи в низовье Волги теплые, Кержак лежал на прогретой за день земле далеко от костра и, по юношеской привычке, смотрел в звездное небо, вспоминал, как в эту самую пору два года назад он плыл из дома на лодке с медом к отцу на ярмарку. После отпросился посмотреть на Анисию и вот оказался с восставшим народом. Теперь-то он знает: волей нужно дорожить, но и за справедливость постоять стоит. Ярмарка у Макарьевского монастыря по-прежнему работает, в Астрахани он встречал купцов, заводил с ними разговоры, один даже знает отца, медового купца Тихона, ему было любо это услышать:

– Как там тятенька один справляется, кто ему поможет, братишка еще мал?

Подошли к вольному Царицыну, передохнули, провели круг, утвердивший правильность ранее выбранного пути идти на Москву вдоль Волги и ударить с востока. Следующие на пути стояли города Саратов, Самара. В них местные посадские люди, узнав о приближении Разина, восставали сами, казнили воевод и открывали казакам ворота. Заканчивалось лето, к началу сентября восставшие народные дружины Разина собрались у стен Симбирска. За стенами сидел воевода Милославский со стрельцами, подошел ему на помощь воевода Юрий Борятинский с дворянским ополчением, но в город они не успели войти. В жестоком бою народному войску удалось одержать тактическую победу над дворянским войском, Борятинский отступил к Тетюшам, при этом сохранив большую часть дворянского ополчения. Симбирск состоял из городского посада, и над ним возвышался Кремль. Посад разинцы взяли быстро и не без помощи местного населения, а вот стены Кремля не поддались штурму восставших, азарт утих. Подчинили весь уезд, освободили остроги Симбирской засеки черты.

Дело шло к вечеру, Кержак знал: сегодня его в дозор или на пост не должны назначать. Он был вчера, поэтому готовился лечь спать, а не заснет, так будет смотреть на звезды и мечтать о далеком доме.

– Кержак, к атаману на сход! – Позвал его посыльный.

Удивился Кержак, ему много раз приходилось беседовать с атаманом, но это обычно бывало, когда его почему-то назначали к нему в караул, а сейчас зовут на сход, то есть, на небольшой круг. Кержак вошел в шатер, там сидел сам Степан Тимофеевич и около него несколько человек из ближайших соратников. Перед ними на барабанах стояли штоф и несколько серебряных рюмок, хлеб, лук, солонина. Атаман показал Кержаку жестом, чтобы он присаживался с ними. Кержак за год жизни среди вольных казаков употреблял горячительное снадобье, когда разливали, только потому, чтобы особо не отличаться от других. Да и понял: после рюмки легче заснуть в холодную погоду, а в жару старался отказываться, а тут от приглашения самого атамана он отказаться не мог. Выпили, атаман завел разговор:

– Застряли мы тут, братишки, а оставлять в тылу крепость с неподчинившимися нам стрельцами нельзя. Пойдем дальше к Казани, там узнают, что мы Симбирск не взяли, будут сопротивляться долго, а недобитый Борятинский со своими дворянами по окрестностям рыщет. Объединятся с Милославским и в любой момент ударят нам в спину. Поэтому надо

¹⁰ Парусно-гребное судно.

брать эту крепость, а время играет не на нас. В Москве другое дворянское войско собирается, во главе мой злейший враг – боярин Юрий Долгорукий. Вот я и собрал вас, други мои, тут я повоюю, завтра сам на крепость пойду, а вам нужно идти кому на Дон, кому в верховья Волги, да и в саму Москву, письма с призывами к вольной жизни рассылать, народ подымать, брать села, малые города, везде устанавливать правления круга вольных жителей. – Атаман еще велел разлить, выпили, он продолжил:

– Кержак, ты казак молодой, но уже успел в цепях побывать, хлебнул лиха, знаю, толковый, получится из тебя добрый атаман. Бери своего дружка, идите вперед нас, рассылайте письма с призывом к восстанию. Как мы будем подходить, а народ вольный нас уже ждет. Мне одному власти над народом не надо, хочу с вами жить как брат, чтоб над всей Русью справедливо править вольным кругом. Разумеется, без доброго царя и православной веры жизнь не устроишь. Русь велика, это не одна городская крепость. Никон в цареву опалу попал из-за изменников-бояр, поэтому к нему сейчас народ потянулся. А ты подымай тех, кто старой верой спасается, вольному воля. Сколачивай себе добрую сотню, в открытый бой с дворянским отрядом старайся не лезть, они побьют тебя, у них ученость к военному делу имеется, уходи в лес, нам главное – больше народа поднять. Поначалу зимы, не позднее первого снега, все подтягивайтесь с разных сторон к Москве, я от Рязани, вы от Муром или Нижнего. Мой брат Фрол приведет ватагу с Дона. Узнают Запорожские казаки Серго, что Стенька Разин к Москве подходит, не будут думку тянуть, тоже двинут в помощь к нам, тогда посчитаемся с боярином Долгоруким.

Беседовали у атамана до утра, Кержак слушал и был уверен, что они обязательно встретятся со Степаном Тимофеевичем. Раз идти ему определил атаман к Нижнему, появилась надежда повидаться с родными, это радовало душу. Кто-то из посланных атаманом гонцов двинулся к Пензе, к Саранску, а Кержак с Данилой – к Нижнему Новгороду. Путь держали не Волгой, а напрямую по дороге. В селах и деревнях агитировали народ, везде встречали много бедных, настроения у населения было сочувствующее восстанию. На встрече рек Алатырь с Сурой стоял городок Алатырь, оттуда отправились в сторону большого села Мурашкино, от него вниз по реке Сундовик.

Осень брала свое, вечером уже холодело, небо заволокло, Кержак сидел в седле серого коня и смотрел на низко тянувшиеся дымки села Лысково. Отсюда два года назад его увезли связанного в острог, сейчас он волен решать судьбу своих обидчиков, это радовало и настораживало. Он сомневался в необходимости мести. Кержак слез с коня, отдал его под узду Даниле и пошел кустами да ложбинками в сторону села. Огородами вышел ко двору Терентия, поднялся собачий лай, одна, другая.

– Чувствуют не столько чужака, сколько крадущегося человека, – подумал Кержак, и пошел наперекор лаю в открытую.

– Полно лаять, свой идет, – громко, по-хозяйски уговаривал псов Кержак.

У самого дома навстречу вышла Анфиса:

– Ох, Господи! – Напуганно воскликнула девушка, увидев перед собой в огороде молодого парня, подпоясанного кушаком, из которого торчала ручка пистолета, а по ноге до сапога висела сабля.

Кержак поклонился. Это уважение, оказанное девушке, ее сразу успокоило, она стала присматриваться к лицу молодого парня, одетого несколько иначе, чем одевались их парни. А он поприветствовал Анфису, и по голосу она сразу в казаке узнала Евдокима.

– Анфиса, Терентий дома?

– Да, Евдокимушка, – радостно заголосила Анфиса, – проходи.

Терентий встретил Евдокима, он знал, что его отправили связанного в острог в Нижний Новгород, а потом его следы терялись. А тут вот он является вольным казаком при сабле и пистолете.

Накрыли стол, но Кержак не стал долго столоваться, а попросил с собой собрата, там его соратник дожидается. Главное Кержаку нужно было выведать, какое настроение у народа в селе, кто приказной, есть ли гарнизон стрелецкий в крепости на Оленьей горе, вооружения на башнях. Хотелось понять, как вольной ватаге входить в село: с миром или с боем. Спросил и про Анисию.

– Выдали замуж за Фролку твою Анисью, в стрелецкой слободе живут, – ответил Терентий. – Весь век, что ли, по ней будешь горевать? Вон, смотри на мою Анфиску, бери и радуйся всю жизнь, а что по той-то печалиться, она теперь чужая баба!

Кержак грустно усмехнулся, посмотрел на стоящую у печи Анфису, она улыбнулась и застеснялась, отвернула голову.

– Рано мне, Терентий, теперь жениться, волю народную надо добыть, – ответил Кержак.

– Женись и иди, добывай свою волю. Коли добудешь, а то в цепи опять попадешь. Так кто тебя ждать будет? – наставлял по-отечески Терентий молодого парня.

– Коли в цепи, Терентий, попаду, так почто девице молодость губить буду, вдовой оставлять?

– Так-то оно так, да у самого бы хоть дети остались, все же не зря жил.

– Брат оставит, сестры родят.

– Воля твоя.

Анфиса с обиженным лицом вышла в коридор.

– Тут вот у меня письма с призывами к народу от Степана Тимофеевича, так ты, Терентий, собрал бы мужиков, кому доверяешь, прочли письма с воззваниями. Когда мы придем, так народ уже готов будет, осмыслит с нами пойти, крепость возьмем, Мурашкино нас поддержит, пойдем дальше к Арзамасу, к Мурому.

Слушал Терентий и думал. С одной стороны, подкупала его воля, а с другой стороны, как же это супротив власти идти, бояр да дьяков?

– За доброго царя биться на Москву пойдем, – продолжал Кержак.

– Коли за доброго царя, так и я не против поддержать народное движение, – ответил Терентий.

– Вот и сговорились на этом.

Кержак ушел той же тропой, но уехать не хотел, не знал толком Терентий, что в крепости творится. Как бывало, с десяток стрельцов слободских или в связи с приближением вольницы усилился отряд, вооружился. Да и с высокого бугра на заволжскую даль посмотреть хотелось, на устье Керженца, на Макарьев монастырь. Забрался Кержак на Лысую гору. Вот отсюда все видать, и даже крикнуть захотелось:

«Ого, простор-то какой».

Переночевали в кустах, как начало рассветать, подобрался к Оленьей горе снизу, крепость рассматривал. Башня от Волги имеет два яруса, сразу не увидишь вооружения, пополз дальше, с другой стороны ров, мост не развален, значит, не ждут. У башни под мельницей столкнулся со стрельцом.

– Лови его! – Крикнул стрелец.

Привыкший за последние дни красться, Кержак от неожиданности при встрече врага побежал во всю прыть в овражные кусты, а потом неожиданно для самого себя остановился, выхватил саблю, пистолет и в полный рост бросился назад навстречу стрельцу. Теперь тот перепугался такой прыти, бросил мушкет, упал и пополз в гору к крепости. Догнал его Кержак, замахнулся саблей:

– Говори, сколько стрельцов в крепости, пушки есть?

Стрелец все рассказал, Кержак дал ему «прелестное письмо» от Разина:

– Читайте со стрельцами, вольную жизнь идем добывать, мы подойдем к крепости, хватайте голову и сами решайте с ним.

Свистнул Кержак, Данила вывел коней из леска, вскочили в седла и поскакали, не прячась. Пробрались до Нижнего Новгорода, оттуда возвращались в Лысково, хотел Кержак переправиться через Волгу на ту сторону и съездить домой, но посетил еще раз Терентия и от него узнал, что недалеко на реке Суре городок Курмыш уже взят отрядом разинского атамана. Кержак рванул в Курмыш, действительно, здесь правили казаки, а за атамана был Максим Осипов, внешне приятный молодой казак. По вольнице ходил слух, а иногда открыто говорили, и многие в этом были уверены, что он не кто иной, как сам есть царский сын царевич Алексей. Восстанию нужен был символ, и так решил атаман Степан Разин. Кержак знал, что Осипов выдуманный царевич, и продолжал мечтать увидеть среди восставших настоящего царевича Михаила, о котором все время помнил с рассказов Христофора.

Ранним утром небольшой отряд вольницы неожиданно появился возле стен старой крепости на Оленьей горе, в которой еще оставался острог. Ватага пошла вперед на штурм, пыхнули пару раз дежурившие стрельцы из пицалей, в ответ тоже прозвучало несколько выстрелов штурмующих, а в основном у мужиков оружие с домашнего подворья: вилы, коса, топор, рогатина. Восставшие грозились сжечь крепость, стрельцы напугались и открыли ворота. Сработало переданное стрельцу заранее Кержаком письмо с призывом от Разина присоединиться к восставшим. Тем временем Кержак и с ним еще трое верхом на конях со свистом влетели в стрелецкую слободу и остановились у дома Онисима. Кержак отдал коня Даниле, перелез через забор, Онисим возле двора второпях снаряжал коня, увидев на заборе появившегося казака, напугался и побежал в дом с криком:

– Фролка, казак, стреляй! Стреляй его!

Кержак быстро и уверенно шел за ним, Онисим закрыл перед ним дверь, но он не успел вставить засов. Дверь резко от удара ноги открылась, сбив с ног Онисима, упавшего на пол в сенях. Из дома открылась дверь, и появился Фролка, он держал в руках пицаль. Кержак выхватил из-за пояса пистолет и направил его на Фролку, тот оторопел, повернулся и кинулся в дом. Кержак перепрыгнул через Онисима и бросился за ним. Настигая Фролку, Кержак ударил его ручкой пистолета, он упал на пол. Кержак выхватил у него пицаль и замахнулся саблей, Фролка, оборачиваясь, увидел занесенную над собой саблю, завизжал, как поросенок. В этот момент появилась Анисья, она стояла и прижимала к груди крошечного ребенка:

– Не убивай, прошу! – И она бросилась на колени рядом с мужем, продолжая прижимать к груди ребенка.

Кержак смотрел на нее, она смотрела ему в глаза. Он развернулся и пошел к выходу, в сенях схватил Онисима за бороду, ударил его в живот кулаком и скомандовал:

– Ключи от острога, быстро!

Онисим, зажимая живот, закивал головой, зашептал:

– Сейчас, – и пошел в дом.

Кержак за ним. В доме Анисья все сидела на коленях с ребенком с застывшим взглядом, Фролка, увидев вернувшегося Кержака, вскочил и побежал за печь. Онисим пошвырялся в кафтане и достал большие ключи от замков в остроге. Кержак снял со стены висевшую саблю Онисима и, хватая его за грудки, скомандовал:

– Ты пойдешь с нами в крепость, острог открывать!

Вольница взяла крепость быстро, по просьбе Кержака мужики убивать Онисима не стали, спустили его с высокой горы к Волге, тот повертелся, ухватился за кустик и спустился к берегу. Кто был не рад приходу вольных казаков, восставших местных мужиков, садился в лодки и перебирался на противоположную сторону к Макарьевскому монастырю за его крепкие стены. После ухода Кержака с Онисимом, Фролка велел жене с ребенком идти к ее отцу в Лысково, а сам пробрался на берег и тоже переправился на другую сторону реки.

Забили колокола в Лысково, вышли многие с иконами на крестный ход, встретили передовую ватагу разинцев. Начали остальных жителей скликать на общий сход, нужно было объяснить народу, за что воюет вольница, отменить власть приказчиков, избрать кругом старшину.

Кержак на миру держал речь:

– Без жалости гнут народ изменники-бояре и приказные лиходеи. Вольная жизнь – это когда народ сам на миру решает свою судьбу, и доброго царя на Москве ставить надо, чтобы не бояре да дворяне окружали царя, а избранные вольным кругом уважаемые люди!

И о старом благочестии в православии не забыл сказать Кержак.

Слушали люди, дивились вольности такой в размышлениях молодого казака, шептался народ: «Не донской он, местный, из-за Волги будет, сын медового купца Тихона. Фролка с Онисимом из-за Аниськи оговорили его, в острог сдали, в кандалы заковали, а он вон, смотри, с саблей на коне, народ на Москву зовет идти, доброго царя ставить. Диво да и только».

Стоял и слушал Терентий, из-за спины отца выглядывала Анфиса и смотрела то на Евдокима, то на Анисью, стоящую в толпе на другой стороне круга. И завидно ей было, что не ее любит такой молодец, а подругу.

В селе кто новизну в православии принял, к одному попу шли, а кто старого благочестия придерживался, те к своему попу тайком ходили. Кто из жителей села в новую вольную жизнь сразу пошел, в дружину вступил, старую веру хотел защищать и доброго царя ставить. А другие боялись, что добром эта вольница не закончится, и уходили на берег Волги.

Подошел к Лыскову с отрядом и Осипов, по дороге присоединились к нему жители села Мурашкино, образовывался уже большой отряд восставших. Кержак видит, что все на правом берегу Волги контролируют восставшие, и теперь ему можно сходить домой, и заодно узнать настроение людей в заволжских лесах. Они вдвоем с Данилой с конями на плоте переправились на левый берег без происшествий, хотя ожидали и держались подальше от Макарьева монастыря, зная, что за стенами попрятались стрельцы с крепости и приказчик, вероятнее всего, они вели наблюдение за берегом Волги.

Двинулись не по петляющему руслу реки Керженец, а напрямую лесом, и Кержак был уверен: все одно найдет свою деревню. Ходил с отцом с малых лет собирать мед, грибы да ягоды, если и поплутает немного, а к дому выйдет все одно. Вот и совсем пошел знакомый перелесок, болотце, за ним и дом родной. Подъехали к деревне, все тот же домик. Встречает пес, даже чувствуя чужой запах коня, а не подает голос. Видит: человек родной, топчется на месте. Ему хочется броситься и сомневается он, не ошибается ли, это тот ли молодой его хозяин, который однажды уехал на лодке и, отплывая, скомандовал: «Домой». И пес убежал домой, вернулся уж главный хозяин дома, а молодого все нет и нет. А тут он на другом, не родного двора запаха коне появляется. Пес заскулил, залаял, но радостно, Кержак с коня спрыгнул и сразу к псу, тот наскочил и давай его лизать в лицо, руки, а хозяин трепал его по голове, по ушам и тоже поцеловал в морду. Из дома выбежала старшенькая сестренка, братишка, который уже подросток. Когда уходил, он совсем был малец. Еще сестренка, а за ними вышел и отец. Увидев Евдокима, и у него, человека мужественного, по щекам покатались слезы. Они обнялись, выбежала мать и тоже в слезы. На радостях начала причитать.

А тем временем, пока Кержак с Данилой отъедались и отсыпались в тепле домашнем, жители Лыскова и Мурашкина вспомнили обиды людей, которые попрятались за стенами монастыря: приказчика, ярыжки, да и к монахам имелись обиды за корыстолюбие при сборах за переправу, за торговое место. Может, это был лишь повод, мужичкам просто захотелось пожить, раз уж они теперь стали вольными людьми, да и пришлым казачкам по привычке хотелось подуванивать. А тут лысковские мужики порассказали, какие богатства могут быть в монастыре. Не все же на строительство стен да храмов идет от сборов с ярмарочной торговли, что-то и остается. Уговорили мужики и казаки Максима Осипова, или «царевича Алексея», кому, как милее было принимать своего атамана взять богатый монастырь.

Шел октябрь, вплавь Волгу не поплывешь, начала ватага вольницы переправляться на лодках да плотках на левый берег, накапливаться и подступила к Желтоводскому-Макарьеву монастырю. Из ближайших деревень мужики и бабы с ребятишками, боясь непредсказуемости восставшего люда, грабежа и разбоя, попрятались за стенами, в монастыре также много было богомольцев, все пошли на стены. По выработанной тактике, атаман Максим Осипов сначала послал в монастырь переговорщиков о сдаче с миром. Их схватили, игумен отказался вести переговоры. Вольница начала собирать лестницы, бревна, сухой лес. Дошел слух о готовящемся штурме монастыря и до лесной деревни, Кержак с Данилой без сборов прыгнули на коней и рванули к Волге. Еще издали в лесу был слышен пушечный гул, виден дым пожара, уже ближе слышались оружейные хлопки. Осада стен монастыря шла полным ходом, на лезущих по лестницам мужиков со стен лили горячей смолой, кидали камни, стреляли. Кержак в огромной толпе людей с трудом нашел Максима Осипова и стал его убеждать остановить штурм:

– Монастырь – святое место, это оттолкнет народ от восставших, разве атаман Степан Тимофеевич позволяет разорять монастыри? Наш путь на Москву, останови безумие! – Кричал среди выстрелов Кержак.

– Здесь я атаман, – громко и дерзко ответил ему Осипов и тише важно добавил, – я царевич!

– Ты царевич? – Переспросил в лицо Кержак. – Иди на Москву и добывай свой престол, коли ты царевич, а не здесь с монахами войю! Не поведешь ты, самозванный царевич, пойду в Москву я и найду настоящего царевича!

Осипов схватился за саблю и выдернул ее наполовину из ножен, но посмотрел на неподвижно стоящего разъяренного Кержака, который лишь положил руку на рукоятку сабли, задвинул свою саблю и сказал:

– Мужики местных сел сами уговаривали меня взять монастырь, решение вольного круга, супротив не попрешь.

Страсти улеглись, Осипов понимал: вносить раздор внутри восстания нельзя. Кержак смотрел, как толпа штурмует стены его любимого монастыря и думал: «Война, в которой он согласился участвовать, обещая атаману Разину служить честью и правдой, пришла в его родные места. Этого ли он хотел для себя и своих близких?». Видя, что атаман Осипов не собирается останавливать штурм, Кержак с Данилой бросаются в толпу и уговаривают мужиков опомниться, остановиться. За стенами монастыря игумен отец Пахомий с братией молились, благословляли защитников, шли крестным ходом.

Свыше ли пришло уразумение к народу восставшему, уговоры ли Кержака подействовали, просто ли мужики с казаками замаялись, но штурм потихоньку притихал, да и на улице темнело. Похоронили битых, собрали круг решить, как дальше быть. Выступил Кержак и призвал потребовать от игумена отца Пахомия освободить заложников, которых посылали на переговоры и оставить монастырь в покое, а идти брать город Арзамас, пока Долгорукий сильно там не укрепился со штабом дворянского войска. Дальше действовать, списаться с московскими жителями, а там много недовольных жизнью, много сторонников старой неисправленной русской веры и поднять их на восстание в Москве. Кержак, не принимая участия в штурме, к своему удивлению, тем самым приобрел у мужиков больше уважение. Но воевать с дворянами много желающих не нашлось, все понимали: это не монастырь штурмовать с монахами и богомольцами. Тем не менее, желание оставаться на левом берегу пропало у многих, и мужики стали грузиться и перебираться на правый берег, местные по домам пошли, а пришлые на постой отдохнуть. На другое утро повстанцы прислали переговорщика – священника села Мурашкина, братия монастырская собрала совет и решила выпустить заложников, казалось, благоразумие в умах восставших победило, и они отступили от стен монастыря. Кержак, радуясь остановленному штурму монастыря, вновь отправился в свои леса, теперь уже дальше, на

более длинную и широкую реку Ветлугу, чтобы там подымать народ не на разбой, а стоять за старую благочестивую веру, переданную отцами и дедами.

В свою ставку отбыл и атаман Осипов с ближним окружением. Мужички с Лыскова, с Мурашкина и вновь нахлынувшие в села пришлые бунтари быстро определили себе нового атамана Чертоуса, который был готов возглавить штурм монастыря. Видимо, кому-то не давали покоя собранные монастырем богатства, и вольные мужички снова начали переправляться на левый берег Волги. Забили барабаны, навалили сучьев и леса по всей высоте стены и зажгли, нагнали страху на защитников монастыря, и многие из них сбежали в леса, и стены монастыря поддались восставшим. Оставшихся монахов и старцев в монастыре восставшие не тронули, взяли только грабить, а взять там было что. Накопленные ценности и товар хранился у купцов от ярмарки до ярмарки.

Кержак на Ветлуге формировал свой отряд, кто-то хотел идти с ним, а кто-то хотел оставаться в своих родных местах. Тем он советовал брать власть в свои руки и везде устанавливать старое мирское управление, решать все на общем сходе, а не жить по воле одного барина или его управляющего. С появлением в заволжских лесах разинцев, стали тут выделяться и свои лидеры: Понамарев, Мумарин. Они взяли под свой контроль два села и пошли дальше вверх по Ветлуге, жгли помещичьи усадьбы, гнали управляющих и устанавливали власть народного схода. Кержак со своим сформировавшимся отрядом пошел обратно к Волге, по дороге зашел к себе домой. В гостях у отца он встретил двух монахов с Макариевского монастыря, они хорошо знали отца по торговле на ярмарке и прятались у него от восставших. От них он узнал, что монастырь все-таки вольный народец взял и разграбил. Кержак понял: поднять народ на восстание – это одно, а управлять восставшими людьми – совсем другое дело. Это возможно, если все будут охвачены одной целью, а не разными. Кержак решил: пусть казаки у себя на Дону создают вольность с дележом барыша, а мы здесь на Керженце должны создавать свою вольную жизнь с христианскими ценностями.

Шла уже вторая половина октября, когда Кержак с отрядом из заволжских лесов переправился на правый берег Волги и появился в селе Лысково. Тут он узнал недобрую весть: под Симбирском ранили Степана Тимофеевича Разина. Казаки увезли его вниз по Волге, разбежалась без атамана и восставшая мужицкая дружина. Это известие опечалило Кержака, ему было жалко Степана Тимофеевича. Теперь он понимал, что в зиму Москвы не взять. В Арзамасе сформировался штаб дворянского войска под предводительством боярина Юрия Долгорукова, и Арзамас теперь тоже не взять.

Собралась дружина повстанцев, пошли к Нижнему Новгороду, часть посадских прикнули к восставшим, но большинство ушли за стены кремля. А стены были кирпичные, крепкие, кому, как не Кержаку, об этом знать. Довелось ему, посидел в Ивановской башне. Взять штурмом эти стены непросто. Подождали, когда простой народ внутри кремля подымет восстание. Воевода с митрополитом уговорили народ не баловать, обещали задобрить, поэтому восстания и не было. Постояли у стен повстанцы, агитацию о вольной жизни по округе провели, но народ уже не шел в движение восставших: то ли знали, что главный атаман Степан Разин ранен, то ли боялись дворянского войска. Повстанцы вернулись в Лысково, здесь в воздухе уже тоже витали страх и неопределенность: в чуланах, в амбарах да погребках лежит награбленный товар из монастыря. Дворяне, вон они совсем рядом, несколько миль отсюда. Все хватались за голову, что же теперь будет?

«Стыдить мужиков за разорение монастыря уже поздно, идти на Дон к Разину нет смысла», – размышлял Кержак, сидя дома в гостях у Терентия. От хозяина дома он узнал, что Анисия, не успев толком побыть женой Фрола, уже овдовела. Кержак для себя еще не решил, эта весть должна его обрадовать или расстроить. При взятии монастыря Фролка пытался бежать в лес, и его зарубили восставшие, а Онисим сумел сбежать и пробрался в Арзамас, теперь оттуда грозит прийти с дворянским войском и покарать всех бунтовщиков. Те, кто

считался казаком с Дона, таких тут почти не осталось, всего несколько человек насчитаешь. Все больше мужики с местных сел и деревень. Они не умеют держать оружие в руках, да и у самого Кержака опыта воевать было мало, так несколько битв и все. Хотя он и обучался ратному делу всю зиму от опытных казаков в Кагльнике, но нужно было и понимание боя, а не только смело саблей махать. Кержак понимал: оставлять одних восставших мужиков сейчас тут нельзя, дворянское войско уже близко. Кержак атаманом не был, считался вроде сотника, таких было несколько, но он пользовался особым уважением у местных мужиков и тех, кого он привел с собой из-за Волги, поэтому руководил отрядом уже не в одну сотню человек.

Пока Кержак думал свою думку, на коне прискакал гонец с села Мурашкино, запыхавшись, он с порога сообщил:

– Огромное войско дворянское идет! По селам и деревням лютуют, всем без разбору головы рубят, на крюки вешают, к кресту живьем людей прибивают, словно они нехристи какие!

Выбор был либо бежать за Волгу, либо идти навстречу карателям, и Кержак его сделал:

– Подымайся, народ православный! – Кричал он, уже сидя в седле на своем серо-пятнистом коне. – Не ждите пощады от господ дворян, будут они рубить наши головы и лить христианскую кровь, так постоим за старое мирское управление, за неизменную русскую веру!

Конь встал на дыбы, свист раздался по селу. Кто решил дома отсидеться, – авось пронесет, – кто побежал прятаться в леса, а кто взялся за вилы, косы, а у кого уже огнестрельное оружие имелось. Анистья стояла на крыльце отцовского дома и в тревоге крестила уходящую дружину повстанцев, впереди которой шел ее любимый Евдоким. По дороге, пока они шли, к ним присоединялись восставшие с ближайшей округи и оставшиеся пришлые мужики и казаки.

И вот повстанцы встретились с царскими войсками, их было видно издалека: на фоне золота осенних деревьев от лучей неяркого солнца сияли отблески дорогого обмундирования, шлемов и оружия. Повстанцы замерли в тревожном ожидании, видя пред собой сияющих воинов, жаждущих наказать крепостных за то, что посмели они мечтать о вольной жизни. Посчитали себя людьми, способными обойтись без их господской воли. И сошелся лапотный народ с дворянским войском, слышался по округе гул выстрелов и лязг металла, полилась человеческая кровь. Бились долго, и дворяне, как более опытные в организации боя и имеющие лучшее вооружение, стали одолевать мужиков. Повстанцы потеряли общий строй дружины и раскололись: одна часть стала отступать к Лыскову, другая к Мурашкину. Кто откуда был родом, тому там и хотелось затаиться, другие мелкими группами уходили в разные стороны. Кержак с конным отрядом больше сотни уходил от преследования дворянской конницы князя Щербатова в сторону села Вельдеманово, словно кем-то было уже определено сойтись именно здесь, в родном селе Никона, народной дружине старой веры с господским войском, принявшим новизну Никонову. Между ними завязалась схватка, рубились саблями, падали с коней те и другие, видя преимущество дворян, Кержак свистом дал команду уходить дальше. Гнались за ними несколько миль, все-таки оторвались от преследования и встали в лесу.

Кто-то предложил отсидеться и к утру двинуться искать путь в далекие леса. Взял слово Кержак:

– Необходимо немного отдохнуть, провести по округе разведку и в ночь уходить к Лыскову. Быстро собрать по округе разбежавшихся мужиков и устроить засаду дворянскому войску, они направляются в село совершать казни. Пощады ждать от карателей не стоит, ее не будет. Возле села есть шанс отбить их войско, оно не столько сильно численностью, сколько организовано и хорошо вооружено. Наша сила будет в неожиданности и воле защитить жизни своих близких и поверивших нам людей.

Дозорные изучили местность, недалеко по полю проходит дорога. Уже смеркалось, прибежал дозорный и сообщил, что по дороге двигается конный отряд дворян, по важному одеянию знатные будут, может, сам князь Щербатов.

– С ним бы нужно посчитаться, – сразу кто-то сказал из повстанцев.

Другой, наоборот, возразил:

– И так еле ноги унесли, кони устали, порубают они нас.

Кержак решил сам выйти на опушку леса. Вдали двигался отряд не больше сотни конных всадников, это были отборные царские драгуны, или, как с недавнего времени после русско-польской войны их стали именовать венгерским словом гусары, – это еще не была регулярная армия, а собранные дворяне на службу при стрелецких полках.

Повстанцев оставалось чуть больше сотни человек.

– Да в открытом бою их не взять, они нас порубят, – сказал Кержак, вспоминая наказ Степана Тимофеевича Разина: не идти с малыми силами в открытый бой с дворянами, у них больше опыта. – Давай попробуем взять их хитростью, заманить в западню. Данила, ты с двумя десятками выйди и покажись им, если они начнут вас преследовать, то вряд ли сам князек будет гнаться, поди, замаялся за день головы человеческие рубить, останется он на месте, тогда мы налетим на него. Если ночью в лесу не найдемся, идите к Лыскову, а если там будут дворяне, то идите дальше к Курмышу, к Ядрину, там атаман Осипов должен быть.

Данила с двадцатью конными выскочили из леса, вытянулись в цепь, выхватили сабли, засвистели и заулюлюкали, – имитировали нападение на отряд, превосходящий их по численности. Дворяне засуматошились от неожиданности и нахальства повстанцев, в спешности выстроились в боевой порядок и рванули навстречу. Данилов отряд развернулся и начал уходить к лесу, азарт дворян, привыкших к охоте с борзыми, не мог их остановить, они жаждали мести и крови за наглость вольницы, продолжали их преследовать. Как и предполагал Кержак, десятка четыре конных дворян осталось стоять на месте и наблюдать за погоней, среди них остались и двое в особенных шапках. Кержак дождался, когда Данилы отряд скрылся в лесу, и дворяне продолжали с наслаждением их преследовать, словно они на охоте за зайцами, и он скомандовал:

– Вышла затея! Вперед братцы, посчитаемся за народную кровь!

Повстанцы выскочили из леса и без криков рванулись на дворян, теперь их было, как минимум, вдвое больше и те в сумерках поначалу не разобрались, что это отряд народной мести. А когда поняли, кто рванул узды коней бежать, а кто стал хвататься за пистолеты и стрелять, не с целью попасть, повстанцы были еще далеко, а чтобы выстрелы слышали мчащиеся поразвлечься за легкой добычей, и вернулись защищать царского наместника.

– Не смей бежать! – Кричал сам боярин князь Юрий Долгорукий, возвращающийся со своей охраной по локти в крови с карательной экспедиции в свою ставку Арзамас.

Старый вояка Долгорукий смотрел на летящего прямо на него всадника, это был Кержак. Не выдержал боярин такого упорства, рванул узды коня в сторону, драгуны закрыли боярина собой и прозвучали выстрелы. Кержак, увидев перед собой облако дыма, бросился на гриву коня, шапку смахнуло пулей, он поднялся и, врываясь в драгунскую гущу, махал саблей, ища князя. Сошлись русские люди, забрызгала их кровь. Услышав стрельбу на поле, от леса второпях возвращались «охотнички», попали важный боярин под саблю повстанца, так государь не простит, что не уберегли слугу царева, назначенного верховодить войском. Но Долгорукому повезло: старый лис увернулся, пришпорил вовремя коня и спрятался за другими. Основной отряд конных драгун приближался, Кержак понимал, что они не успеют прорубиться к боярину, и свистом дал команду уходить. Перепуганные дворяне даже не стали их преследовать, обрадовались такому исходу боя. Мчащиеся от леса драгуны закрутились на месте, не зная, преследовать им или нет, – да не ровен час, из лесу еще выскочат повстанцы, хватит уже ловушек, стемнело и пора в штаб.

Наутро Кержак со своими подходил к Лыскову, а тут шла битва тех немногих оставшихся, кто пожелал с оружием отстаивать свою свободу, а кто-то уже бил в колокола, приветствуя

войско князя Щербатова, надеялся на царскую милость. Кержаку некогда было думать и разрабатывать стратегию, он крикнул:

– Братцы, постоим за волю и правую веру!

И они все пошли на дворянское войско. Снова мелькал блеск сабель и слышался скрежет металла. Удар по груди, словно обожгло, голова пошла кругом, мелькали кони, люди, удар о землю, мысли путались.

«Зачем люди убивают друг друга, уже поздно?» – Подумал Кержак, закрывая глаза.

Драгун хотел наверняка добить упавшего повстанца за дерзость таковую – быть первым. Сидя в седле, он нагнулся, чтобы ткнуть лежащего саблей, но подскочивший соратник Кержака напугал его замахом сабли. Он прищипорил коня, и тот рванул, унося всадника из боя. Не видя своего ставшего уже атаманом Кержака на коне, повстанцы бросились в разные стороны, дворяне стали их преследовать.

– Жив, – подумал Кержак, видя перед собой темное небо и луну. – Как дома, когда спишь на сеновале. – Сознание возвращалось, но хотелось лежать и не шевелиться, чувствовалась слабость в руках и боль в груди. Почти волоком он затащил непослушную руку на грудь, пальцами осторожно попытался ощупать рану. Ощущал липкую, загустевшую кровь, и дальше трогать было больно. В сознании прошел испуг, ему показалось, что он нащупал торчащую кость ребра грудной клетки. Где-то совсем рядом раздался протяжный вой. «Волк на запах крови пришел», – это подтолкнуло его к мысли, что необходимо уходить. От волчьего воя встрепенились с земли вороны, они сидели совсем рядом с ним, замахали большими крыльями и, недовольно каркая, расселись на ближайших деревьях. «И эти уже здесь, рано Евдокимку собрались клевать». Другой рукой он нащупал у себя за поясом нож. «Никто не обыскивал. От зверья еще можно ножом отмахнуться, а если человек подойдет, тут уж не сносить головы. – подумал Кержак. – Мы не добиваем господских раненых, а они всех рубят, вешают заживо. Почему оставили жить? Так сложился бой – наши ушли, а дворяне стали их преследовать, поэтому и удалось выжить». Он собрался с силами и, опираясь на руки, приподнялся. Закружилась голова. Он хотел осмотреться. «Может, рядом кто-то есть живой, где-то должен быть конь? Если волк близко подошел, и воронье рядом сидело, значит, никого». И он стал всматриваться в темноту, чтобы не стать легкой добычей волка.

Немного придя в себя и преодолевая сильную боль, Кержак, одной рукой прикрывая рубахой на груди рану, пополз на боку в сторону оврага. Он знал этот овражек, дальше он становится более глубоким и кустистым, по нему можно к селу незаметно добраться. День застал Кержака в зарослях оврага, он несколько раз терял сознание и снова приходил в себя, сильно хотелось пить, чувствовался жар. Когда стемнело и осенняя прохлада опустилась в овраг, стало колотить от холода, но он продолжал ползти. Зная тропинку к паханой земле Терентия, он не ошибся. Осторожно поднялся на ноги, тихо стал двигаться к его дому, вокруг стояла не свойственная большому селу тишина, это настораживало и пугало.

«Не чувствуют собаки чужого, – подумал Кержак, – не к добру это, видно, много чужих в селе, и запахом крови собак не удивишь».

Видя дом Терентия, Кержак невольно прибавил шагу, разошлась чуть присохшая рана, пошла кровь, и он снова потерял сознание.

Очнулся, чья-то нежная ладонь держала его голову, грудь уже не так болела, она была завязана льняным полотном. Он всмотрелся в лицо девушки, это была Анфиса. Она плакала, держа его голову на своих коленях. А сидели они не в теплом доме Терентия, к которому он привык за последнее время, а в холодном, ставшем ему укрытием овраге, в наиболее заросшем кустарником месте. Он понял, Анфиса прячет его, значит, в селе враги. Захлебываясь слезами, Анфиса рассказывала:

– Кто знал за собой дела вольницы и понимал, что не будет прощен, все бежали за Волгу, отец с ними ушел. А кто думал о царской милости, те остались дома и вышли с иконами встре-

чать царское войско. А дворяне во главе с боярином Долгоруким вместо милости царской половину села казнили. Вешали, головы рубили, крюками ребра драли, на колья сажали. Так некоторые по сей час стонут, мучаются еще живехонькие, а кого секли до полусмерти, еще неизвестно, выживут ли. Девок и баб тоже не шадят, коли кто укажет, что она сама или родитель, аль муж ее к вольнице причастен. Пробиралась я ночью сама из оврага домой собрать узелок, на пашне и обнаружила тебя.

– Анфиса, тебе в дом возвращаться нельзя, даже за узелком, – бормотал Кержак, – вы с Терентием молодцы, сообразили спрятаться. Господа не помилуют, это не мы, простолюдины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.